

Лю Цысинь УДЕРЖАТЬ НЕБО

ОТ СОЗДАТЕЛЯ
ТРИЛОГИИ
«ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ»

刘慈欣

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Лю Цысинь

Удержать небо

«ЭКСМО»

1985-2014

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

Цысинь Л.

Удержат небо / Л. Цысинь — «Эксмо», 1985-2014 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-185077-7

Самый популярный китайский писатель-фантаст, получивший ряд жанровых премий как в Китае, так и в США (первый иностранный писатель с премией "Хьюго"). Сборник рассказов, написанных за последние двадцать лет. Сборник повестей великого китайского фантаста Лю Цысиня, создателя блистательной трилогии «Задача трех тел». Лю Цысинь предлагает взглянуть на будущее человечества сквозь призму неповторимой китайской культуры. Наука переплетается с простыми человеческими жизнями. От сельского учителя зависит выживание всей планеты. Вселенная несется вспять, возвращая потерянных любимых. Род людской, сталкиваясь с беспрецедентным безразличием пришельца из других миров, делает то, что у него лучше всего получается — борется за жизнь. Война или создание неповторимых произведений искусства — во всем этом видна истинная природа человека, его жертвенность, изобретательность и отвага. «Инновационный и полный сострадания взгляд на то, как знания формируют и изменяют человечество. Лю основывает свои рассказы на современной китайской жизни и обществе, используя жанр научной фантастики для решения вопросов о месте человечества во Вселенной. Это обязательное чтение для всех поклонников твердой научной фантастики». — Publishers Weekly «Всесторонний взгляд на творчество Лю, показывающий его работы как в стиле, знакомом читателям трилогии "ЗАДАЧИ ТРЕХ ТЕЛ", так и в других, возможно, более неожиданных стилях. Настоятельно рекомендуется». — Booklist «Эти истории превосходно сочетают жесткую научную фантастику и мягкую эмоциональность. В произведениях Лю сохраняется спокойная, деловая стилистика, даже тогда, когда они передают изобретательную жестокость и красивые образы». — Shelf Awareness «Это волшебство. Это машина времени; туннель, который позволяет вам вернуться назад во времени, чтобы увидеть, как выглядела китайская версия 1985, 2010, 2020

или 3000 года. Сборник дарит нам окно, из которого открывается вид на иной научно-фантастический пейзаж, отличный от того, что мы наблюдали десятилетиями». — NPR

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-185077-7

© Цысинь Л., 1985-2014

© Эксмо, 1985-2014

Содержание

Предисловие	7
Сельский учитель	9
Переселенцы во времени	32
Отъезд	33
Путь	34
Остановка 1: Темные века	35
Путь	37
Остановка 2: Эпоха вестибюля	38
Путь	41
Остановка 3: Невидимая эпоха	42
Путь	45
Остановка 4: Возвращение домой	46
1 апреля 2018 года	49
Пылающие недра	55
Двадцать лет спустя	56
Отцовская шахта. Моя шахта	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лю Цысинь Удержатъ небо

Liu Cixin
TO HOLD UP THE SKY

Copyright © by Liu Cixin
Russian language translation rights © 2021 by FT Culture
(Beijing) Co., Ltd

"Contraction" Copyright © 1985 by Liu Cixin;

"Full-Spectrum Barrage Jamming" Copyright © 2001 by Liu Cixin;

"The Village Teacher" Copyright © 2000 by Liu Cixin;

"Fire in the Earth" Copyright © 2000 by Liu Cixin;

"The Time Migration" Copyright © 2014 by Liu Cixin;

"Ode to Joy" Copyright © 2005 by Liu Cixin;

"Cloud of Poems" Copyright © 2003 by Liu Cixin;

"Mirror" Copyright © 2004 by Liu Cixin;

"Sea of Dreams" Copyright © 2002 by Liu Cixin;

"2018-04-01" Copyright © 2009 by Liu Cixin;

"The Thinker" Copyright © 2003 by Liu Cixin

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Предисловие

Большинство рассказов, вошедших в этот сборник, были опубликованы более десяти лет назад. В то время научная фантастика прозябала в Китае в весьма маргинальном положении. У этого жанра было мало читателей, и он не пользовался сколько-нибудь заметным интересом публики. В Китае научная фантастика воспринимается как нечто иностранное; ее фундаментальные элементы никогда не были частью китайской культуры. На протяжении долгой истории Китая жизнь текла стабильно, мало меняясь от поколения к поколению, поэтому люди подсознательно верят, что жизнь всегда будет такой, как сегодня. Исторически сложилось, что сам термин «будущее» употреблялся в основном в буддийских текстах, которые тоже пришли из других стран; люди редко думали о будущем или обращали на него внимание в своей повседневной жизни.

Но в последние годы ситуация кардинально изменилась. Китай вступил в процесс быстрой модернизации, и каждый день вокруг происходят ошеломляющие перемены. Будущее внезапно предстало перед нами в ярких деталях и обрело огромную притягательность. Древний Китай внезапно превратился в нацию с чрезвычайно острым чувством будущего. Неудивительно, что при таких обстоятельствах публика уделяет научной фантастике беспрецедентное внимание.

В Европе и США мне чаще всего задают вопрос: «Что делает китайскую научную фантастику китайской?» Со своей стороны я никогда сознательно не пытался подчеркнуто «китаизировать» свою научную фантастику. Рассказы, включенные в этот сборник, затрагивают множество научно-фантастических тем, имеющих одну общую черту: все, о чем говорится в книге – проблемы, кризисы, научные открытия и технические изобретения, – влияет на человечество в целом, и разбираться со всем этим народы должны вместе. Действительно, когда читаешь или создаешь научную фантастику, восприятие автоматически смещается от идей, связанных с этнической принадлежностью и нацией, к более высокой идее единого человечества; с этой точки зрения человечество естественным образом становится коллективной единицей, а не собранием различных частей, разделенных этнической принадлежностью и нацией. Это чувство все равно останется хоть у читателя, хоть у писателя, даже если в научно-фантастическом произведении излагается явно тривиальная, обыденная или индивидуальная история. Я считаю это одной из самых ценных черт жанра научной фантастики.

В Китае растет новое поколение, образ мышления которого кардинально меняется по сравнению с родителями и предками. Эти люди постепенно отворачивают взгляды от реальности своего непосредственного окружения и обыденности жизни и обращаются к далекому звездному небу и будущему. Они все больше и больше начинают ощущать себя членами человечества, а не просто китайцами. Они также начинают интересоваться теми важнейшими вопросами, над которыми редко задумывались их предки: откуда взялись люди и Вселенная, и что их ждет в дальнейшем. Это изменение в мышлении глубоко повлияет на будущее не только Китая, но даже всего человечества. Научно-фантастические рассказы из этой книги являются ярким отражением этого нового образа мышления.

Но тем не менее я китаец, и, намеренно или нет, этим рассказам неизбежно будет присущ сильный китайский колорит, слагающийся из культуры, истории и нынешней реальности Китая.

Создавая научную фантастику, я всегда изо всех сил стараюсь представить и описать отношения между Великим и Малым.

«Малое» в данном случае относится к человеческой малости. Как индивидуумы мы действительно малы, да и коллективно взятое человечество тоже мало. Представьте себе концерт, на котором присутствовало бы все человечество. Какое помещение ему понадобится?

Не настолько большое, как я себе представил сначала – хватит места размером примерно с шанхайский район Пудун. А вот вам еще один извращенный мысленный эксперимент: если сделать из всего человечества фрикадельку, ее диаметр окажется меньше километра.

«Великое» относится, конечно, ко Вселенной. Каждому человеку присуще глубокое ощущение ее огромности. Самый далекий свет, который мы видим, был послан более десяти миллиардов лет назад. Если уменьшить Солнечную систему до размеров обеденной тарелки, диаметр соответственно уменьшившегося Млечного пути все равно составил бы сто тысяч километров.

В своей научной фантастике я ставлю перед собой непростую задачу: представить отношения между Маленькими людьми и Великой Вселенной – не в метафизическом философском смысле, но и не в психологическом, когда некто смотрит на звездное небо и испытывает такие чувства и пафос, что у него меняются взгляды на человеческую жизнь и Вселенную. Такие взаимоотношения между людьми и Вселенной – предмет не научной фантастики, а реализма. Я же, работая над научной фантастикой, стремлюсь представить прямую, осязаемую связь между людьми и Вселенной. В таком ракурсе эволюция и метаморфозы Вселенной неотделимы от человеческой жизни и человеческой судьбы.

Это очень трудная работа и самая большая из тех проблем, с которыми я сталкиваюсь, когда пишу научную фантастику. Здравый смысл подсказывает нам, что таких отношений не существует. Расширяется или сжимается Вселенная, превратилась ли в сверхновую звезда, находящаяся в десяти миллиардах световых лет от нас, – все это никак не связано с обыденными, незначительными событиями моей жизни. И все же я твердо верю, что между человечеством и Вселенной существует взаимосвязь. Родившись, Вселенная была меньше атома, и все в ней было перемешано в единое целое; таким образом сложилась естественная связь между малыми частями Вселенной и ее великой целостностью. И хотя Вселенная расширилась до своих нынешних размеров, эта связь все еще существует, и если мы не способны увидеть ее сейчас, это не значит, что нам не удастся сделать этого в будущем. Я усердно стараюсь представить себе всевозможные варианты отношений между людьми и Вселенной и превратить свои представления в захватывающую фантастику. Часть результатов моих трудов содержится в этом сборнике, что должно быть понятно по его названию.

Спасибо вам всем!

Сельский учитель

Этот рассказ немного отличается от моих более ранних работ. Не стоит искать в нем очень уж глубокого содержания. Я стремился прежде всего создать настроение. Пусть начало рассказа не вводит вас в заблуждение – это не то, чем кажется. Конечно, не мне рассуждать о качестве собственного произведения, но уверен, что оно окажется одним из самых выразительных и неожиданных явлений научной фантастики современного Китая.

Лю Цысинь

Впервые опубликован под названием ##### в журнале «Мир научной фантастики» в Чэнду, 2000 г.

Он знал, что следующий, завтрашний, урок станет для него последним.

Печень опять резануло болью, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. У него не было сил на то, чтобы выбраться из постели; он смог лишь с огромными усилиями подтянуться к окошку над своим ложем, сквозь бумагу которого просвечивал лунный свет. Окошко казалось дверью в иной мир, где все сияет серебристым светом, напоминающим диораму, выставленную серебряным искусственным снегом, который не обжигает стужей. Он поднял дрожащую голову, посмотрел через дыру в бумаге, и фантазия о серебряном мире сразу рассеялась. Перед собой, вдалеке, он видел ту самую деревню, где провел всю жизнь.

Деревня безмятежно дремала в лунном свете и выглядела так, будто люди покинули ее уже добрую сотню лет назад. Домики с плоскими крышами были почти не видны из-за окружающих их груд земли. В лунном свете все цвета были приглушены, и казалось, будто деревня и вся округа растворяются в холмах, на которых расположены. Ясно виднелось лишь старое рожковое дерево, на корявых ветвях которого лепилось несколько черных вороньих гнезд, похожих на неопрятные пятна черной туши на серебряной бумаге.

В деревенской жизни есть свои периоды подъемов и затишья. К первым относится, например, сбор урожая. Молодые мужчины и женщины, толпами уезжавшие в поисках работы, возвращались на это время, наполняя деревню жизнью и веселым смехом. На крышах блестели кукурузные початки, дети кувыркались в кучах стеблей на гумне. Еще одним веселым событием был праздник весны, когда гумно освещали газовыми светильниками и украшали красными фонариками. Жители деревни собирались там, чтобы показать друг другу бумажные кораблики на счастье и станцевать танцы львов. Теперь от львов остались только грохочущие деревянные каркасы с полностью облезшими головами. У деревни не было денег, чтобы купить новые шлейфы для голов, поэтому в качестве тел львов использовались простыни, что кое-как сходило. Но как только праздник весны заканчивался, вся местная молодежь снова разъезжалась по дальним краям, где имелась работа, и деревня опять погружалась в оцепенение. Каждый день в сумерках, когда из труб домов поднимались тонкие струйки дыма, то один, то два пожилых жителя деревни с морщинистыми, как ядра грецких орехов, лицами стояли, глядя на дорогу, ведущую за горы, пока последний луч сумеречного света не зацеплялся за рожковое дерево, чтобы вскоре исчезнуть. Тогда деревенские выключали свет и рано ложились спать. Электричество стоило дорого – 1,8 юаня за киловатт-час.

Где-то в деревне негромко взлаивала и поскуливала собака: должно быть, во сне. Он смотрел через разодранную бумагу на желтую землю вокруг деревни, похожую в лунном свете на безмятежную водную гладь. О, если бы это и впрямь была вода... шел уже пятый подряд год засухи, и воду для полива приходилось таскать на поля ведрами. Он подумал о полях, и его взгляд переместился вдаль, туда, где на склонах гор приткнулись эти самые поля, в лунном свете походившие на следы прошедшего мимо великана. Крохотные, разбросанные тут и там

кочки земли – на каменистой почве этих горных мест росли только виноградники и кустарники. В этой местности очень трудно было использовать сельскохозяйственную технику – да что там, даже волю не справлялись со сплошными косогорами, так что обрабатывать землю приходилось исключительно вручную. В прошлом году заезжий представитель завода сельхозмашин предлагал мотоблок – нечто вроде маленького трактора, которым управляешь, держа его за две длинные ручки, но деревенские подумали и не стали его покупать. Много ли зерна вырастишь с этой машинкой? Возделывание земли здесь было кропотливой работой, сродни скорее шитью, нежели земледелию в обычном смысле этого слова; если урожая хватало семье на весь год, это считалось большим успехом. А в засушливые периоды, такие, как сейчас, урожай не окупал даже зерно для следующего посева. Трактор за 5000 юаней да дизельное топливо по два юаня за литр... приезжие просто не понимают, насколько трудно жить здесь, в горах.

Мимо окна прошли несколько небольших силуэтов. Они собрались в кружок на пригорке между двумя полями и заговорщицки пригнулись друг к другу. Он знал, что это его ученики – если они оказывались рядом, он мог определить их присутствие, даже не видя их. Эта интуиция развивалась у него всю жизнь и сейчас, на пороге кончины, сделалась особенно острой.

Он сумел даже узнать ребятишек в лунном свете. Прежде всего Лю Баочжу и Го Цуйхуа. Они были родом из этой деревни, и им вовсе не обязательно было жить в школе, но все же он поселил их здесь. Отец Лю Баочжу десять лет назад заплатил выкуп за невесту из Сычуаня, она приехала и родила Баочжу. Пять лет спустя, когда Баочжу немного подрос, отношения между супругами разладились, и жена сбежала обратно в Сычуань, прихватив все деньги семьи. После этого отец Баочжу сбился с пути. Он начал играть в азартные игры, совсем как старые деревенские холостяки, и вскоре потерял все, кроме четырех стен и кровати. Потом он начал пить. Каждый вечер он продавал жареный сладкий картофель по восемьдесят фыней за килограмм и напивался на эти деньги до бесчувствия. Он озлился и колотил сына всякий раз, как только тот попадался под руку, а дважды в неделю и вовсе бил смертным боем. Однажды ночью, всего месяц назад, он чуть не забил своего сына до смерти шпатель для жарки бататов. Трудно поверить, но Го Цуйхуа жилось еще хуже. Ее отец нашел себе невесту с солидными связями, что здесь большая редкость, и очень гордился этим. На этом все хорошее кончилось, и сразу после свадьбы стало очевидно, что мать Цуйхуа сумасшедшая. На свадьбе никто этого не заметил – скорее всего, ей тогда дали какое-то сильное успокоительное лекарство. Да и с какой стати женщина из уважаемых кругов стала бы смолоду хоронить себя в деревне, да еще такой, как эта, настолько бедной, что даже птицы брезгают гадить, пролетая над ней? Тем не менее Цуйхуа родилась и выросла, а ее матери становилось все хуже и хуже. Днем она нападала на людей с кухонными ножами, а ночью то и дело пыталась поджечь дом. Большую часть времени она смеялась неизвестно чему, издавая при этом жуткие, достойные упыря звуки, от которых у неосведомленного человека волосы встали бы дыбом.

Остальные дети были из других деревень, ближайшая из которых находилась, по меньшей мере, в тридцати ли¹ от горной дороги, так что им волей-неволей приходилось жить в школе. Так они и жили целую четверть, от каникул до каникул, в деревне, где не имелось никаких развлечений и удобств. Школьники привозили из дома постельные принадлежности и мешку пшеницы или риса, из которых сами готовили себе еду на большой школьной плите. Зимними вечерами они собирались у плиты и смотрели, как в кастрюле пузырится и багровеет готовящееся зерно, а их лица освещало соломенно-оранжевое пламя. Это было самое умиротворительное зрелище, которое он когда-либо видел. Он заберет его с собой в следующий мир.

На пригорке, в кругу ребятишек, вспыхнули огоньки, похожие с этого расстояния на небесные звезды. Даже в эту лунную ночь они горели ярко. Дети жгли самодельные ритуальные бумажные деньги и благовония, и отсвет костерка окрашивал их лица в красный цвет на фоне

¹ Ли – традиционная китайская мера длины; в настоящее время равна 500 метрам (1640 футов).

серебристо-серой ночи. Это снова напомнило ему сцену у плиты. И тут же в памяти всплыл еще один эпизод. Он вел вечерний урок, и вдруг в школе погас свет – то ли проводка испортилась, то ли не смогли вовремя оплатить электричество (что бывало чаще). Он зажег свечу, чтобы осветить ею написанное на доске. «Видно?» – спросил он, и дети, как всегда, ответили: «Не очень». Действительно, в полумраке разобрать надписи было трудно, но так уж получилось, что и без того было пропущено много занятий, которые необходимо было наверстывать, так что без дополнительных вечерних уроков нельзя было обойтись. Он зажег вторую свечу. «Темно!» – кричали школьники, и он зажег третью свечу. Света все равно не хватало, и он отлично понимал это, но ученики успокоились. Они знали: учитель не зажжет больше ни одной свечи, как бы они ни кричали. Просто не может позволить себе этого. Он смотрел сверху вниз на их лица, освещенные неровным светом свечей, на лица детей, отрицающих темноту всеми фибрами своих душ.

Дети и свет огня, дети и свет огня. Перед его мысленным взором всегда дети и свет огня, всегда дети в ночи, при свете огня. Этот образ навеки впечатался в его сознание, невзирая даже на то, что он никогда не придавал ему особого значения.

Он знал, что дети жгут благовония и ритуальные деньги ради него, как делали много раз прежде, но на сей раз у него не было сил бранить их за суеверие. Он всю жизнь старался зажечь в детских сердцах пламя знаний и культуры, но отдавал себе отчет в том, что среди тумана невежества и суеверия, окутывающего эту затерянную в горах деревню, это даже не пламя, а робкий огонек, вроде огоньков трех свечей в классе тем памятным темным вечером. За несколько месяцев до того случая несколько деревенских жителей заявили в школу, намереваясь разобрать стропила и без того ветхого спального помещения, чтобы подновить храм у входа в деревню. Он спросил, где же спать детям, если их жильё останется без крыши, на что они ответили, что дети преспокойно могут жить в классе.

– В классе? Его же ветер продувает насквозь. Дети не смогут спать там зимой!

– А нам какое дело? Они не местные.

Он схватил кол, бросился на них и прогнал, отделавшись двумя сломанными в драке ребрами. Другой местный житель, более добросердечный, не только помог ему прийти в себя, но и проводил в ближайший город, где была больница – больше сорока ли по горной дороге.

Обрабатывая травмы, врач обнаружил у него рак пищевода. Эта болезнь была весьма распространена в здешних местах, и диагностировать ее было нетрудно. Врач сказал, что пациенту повезло – рак у него пока не сильно развился, еще не дал метастазов и вполне поддавался хирургическому лечению; рак пищевода на ранней стадии эффективно удаляется при помощи операции. Так что, можно сказать, сломанные ребра спасли ему жизнь.

Тогда он отправился в центр провинции, где имелась онкологическая клиника, и спросил, сколько может стоить такая операция. Врач ответил, что, учитывая его положение, его вполне могут положить в благотворительное отделение, что существенно сократит предстоящие расходы. И получится не так уж и много – около 20 000 юаней. Учитывая то, что он приехал из дальней глуши, врач подробно объяснил, как будут проходить операция и последующее лечение. Учитель молча слушал, а потом спросил:

– А сколько я проживу без операции?

Врач довольно долго смотрел на него с деланным равнодушием и наконец сказал:

– Месяцев шесть, вряд ли дольше.

Учитель вздохнул с неожиданным облегчением, совсем введя врача в недоумение.

Он все же успеет довести выпускной класс до конца.

Он никак не мог заплатить 20 000 юаней. Конечно, возможность скопить хоть что-то у него была. Зарплаты у сельских учителей отнюдь не высокие, но он проработал много лет, никогда не был женат и не имел никаких иных финансовых обязательств. Но все заработанное он тратил на детей – своих учеников. Он никогда не считал, скольким детям он оплатил

обучение, сколько всяких мелких и крупных непредвиденных расходов было у него в связи со школьниками. Сейчас он учил за свой счет Лю Баочжу и Го Цуйхуа, а кроме того, частенько случалось так, что, заглядывая в большой школьный котел, он видел там невразумительное варево даже без растительного масла, так что приходилось срочно покупать для детей мясо и сало. У него, правда, оставалось немного денег, но их было в десять раз меньше, чем требовалось на лечение.

Он в одиночестве брел по широкому городскому проспекту к железнодорожному вокзалу. Уже стемнело, и полосы и пятна неоновых надписей залили город переливающимся разноцветным светом, ошеломляя непривычного к такому зрелищу приезжего. Ночью городские многоэтажные здания представлялись рядами новомодных ламп, возносившихся прямо к облакам. И поминутно сменялись обрывки музыки, то буйной, то нежной.

Оказавшись в этом чуждом городском мире, он начал неторопливо разбирать свою короткую жизнь. Он спокойно, философски признавал, что собственный жизненный путь выпадает каждому и что свой он выбрал двадцать лет назад, когда, закончив педагогическое училище, решил вернуться в деревню. Вообще-то его судьбу предопределил другой деревенский учитель. Он сам вырос в этой самой школе. Еще ребенком он лишился отца и матери, и школа заменила ему дом. Учитель относился к нему как к сыну, так что, хоть он и жил небогато, но не мог пожаловаться на недостаток любви. Однажды учитель решил взять его с собой на зимние каникулы в свою деревню. Она находилась вдали от школы, снега в тот год выпало много, и пробираться по горной дороге было трудно. Лишь за полночь они увидели впереди огни родной деревни учителя. И тут, оглянувшись, они заметили невдалеке, позади, четыре зеленых огонька – глаза пары волков. В те годы волков в горах водилось много, и даже вокруг школы то и дело обнаруживались кучки волчьего помета. Однажды он схулиганил – взял такую беловато-серую кучку, поджег ее и бросил в класс. Помещение наполнилось едким вонючим дымом, учитель пришел в ярость. А сейчас, увидев неторопливо приближавшихся волков, учитель отломил с ближайшего дерева толстую ветку и с яростным криком бросился навстречу волкам. А мальчик, лишившись от страха всякого соображения, со всех ног помчался в деревню. Он боялся, что волки не станут связываться с учителем и кинутся в погоню за ним, боялся, что натолкнется на бегу на еще одного волка, но благополучно добежал до домов. Несколько мужчин схватили охотничьи ружья и бросились туда, где остался учитель, и мальчик пошел с ними. Учителя нашли в луже крови и обрывках одежды и тела с отъеденными рукой и половиной ноги. Его понесли в городскую больницу, но он скончался по дороге. Мальчик видел его глаза в свете факелов. Волчьи зубы вырвали кусок щеки учителя, он не мог говорить, но глаза его выражали настойчивую мольбу, которую мальчик понял и запомнил.

Окончив педагогическое училище, он отказался от заманчивого предложения работать в городском управлении. Он вернулся напрямик в ту горную деревню, в ту школу, которую погибший учитель умолял его спасти, хотя у него не было здесь ни родни, ни друзей. Вернувшись, он узнал, что школа уже несколько лет не работает, поскольку там нет учителя.

Незадолго до того Министерство образования ввело новую практику замены сельских учителей, живших и работавших на деньги сельской общины, учителями, получавшими государственное пособие. Старые учителя тоже могли получить такой статус, нужно было лишь сдать экзамены. Он сдал их, получил соответствующий диплом и был доволен, что подтвердил свои знания и будет теперь получать государственную зарплату. Большинство сотоварищей по профессии радовались куда сильнее. Ему же было безразлично, откуда пойдет его зарплата – от сельской общины или от государства, он всего лишь хотел обучать детей, которые выйдут в мир, окончив его начальную школу. И неважно, покинут ли они горы или останутся здесь, – их жизнь все равно будет чем-то отличаться от жизни тех детей, которые никогда не ходили в школу.

Эти горы были одним из самых бедных районов страны. Но даже хуже бедности было безразличие местных жителей к условиям своего существования. Он крепко запомнил, как много лет назад, когда вместо общей нормы выработки на всю деревню были введены отдельные нормы на каждое домохозяйство, жители деревни разделили между собой поля, а потом и весь инвентарь. В деревне имелся трактор, и жители никак не могли достичь согласия по поводу того, как разложить на всех оплату горючего и, что еще хуже, как распределить время его работы в индивидуальных хозяйствах. И они не придумали ничего лучше, кроме как разделить трактор в самом буквальном смысле – развинтили на детали, один забрал руль, другой – колесо и т. д. А всего два месяца назад какой-то завод привез в качестве поддержки для бедных погружной насос, и, учитывая дороговизну электричества, дизельный генератор для него и большой запас солярки. Едва благодетели покинули деревню, как жители деревни продали и насос и генератор всего за 250 юаней. Выручки хватило на два хороших обеда для каждого – такого они не видали много лет. Был еще случай, когда кожевенный фабрикант купил в деревне участок земли, чтобы построить кожевенный завод; как у деревенских оказалась земля на продажу, наверно, никто никогда не узнает. Как только предприятие заработало, щелочь и селитра потекли в реку и просочились в колодезную воду. У людей, которые пили оттуда, тела усыпало красными фурункулами – но никто не обращал на это внимания! Они были просто счастливы, что земля продана по хорошей цене. Это была деревня старых, ни на что не годных холостяков-бездельников, которые не желали тратить силы на крестьянский труд и проводили целые дни в пьянстве и азартных играх, в которых проигрывали друг другу свои жалкие деньги и скудное имущество, чтобы когда-нибудь возместить проигрыш столь же жалким выигрышем. При этом им вполне хватало хитрости понимать: оставаясь нищими, они и впредь будут ежегодно получать дотации, выделяемые окружными властями для помощи бедным. Пусть деньги небольшие, но все равно больше, чем они могли бы заработать, возделывая свои крошечные поля, состоящие из камней и пыли. Они могли мириться с такой жизнью, потому что были необразованны. Бесплодная земля деревни и ядовитая вода приводили в уныние, а вот тусклые глаза жителей деревни по-настоящему порождали отчаяние.

Он устал от долгой ходьбы и сел на скамейку на тротуаре передохнуть. Перед ним находился большой шикарный ресторан с фасадом из сплошного стекла, сквозь которое свет роскошных люстр озарял улицу. Ресторан походил на гигантский аквариум, а разодетые посетители – на стайку пестрых рыбок. За столиком у окна сидел тучный мужчина. Его волосы и лицо были густо умощены каким-то кремом, отчего он походил на раскрашенную восковую статую. По обеим сторонам от него сидели две высокие, скудно одетые (или, может быть, лучше сказать: полураздетые?) молодые женщины. Толстяк повернулся к одной из них и сказал что-то такое, что заставило одну залиться хохотом, и он сам тоже расхохотался. Вторая женщина скорчила недовольную гримасу и вдруг вскинула кулачки, намереваясь стукнуть мужчину. Удивительно было видеть таких высоченных женщин. Пожалуй, Сюсю во весь рост была бы им по пояс... Он вздохнул: как ни старался он избегать этих мыслей, но снова и снова вспоминает о Сюсю.

Сюсю, единственная из девушек, не поспешила выйти замуж за кого-нибудь из дальних мест, чтобы покинуть горную местность. Возможно, она боялась мира за пределами деревни, потому что никогда не бывала там. Возможно, для этого была какая-то иная причина. Они тесно общались более двух лет, и вроде бы все складывалось вполне благополучно – ее семья просила довольно скромный, всего лишь 1500 юаней, выкуп «за родовые боли»². Но тут неожиданно вернулись несколько деревенских парней, которым удалось что-то заработать в дальних краях. Один из них, примерно ровесник учителя, оказался толковым, несмотря на неграмот-

² Форма выкупа невесты в некоторых сельских районах северо-западного Китая; как ясно из названия, предполагает денежное возмещение зятем тех мук, которые перенесла мать, рожая дочь (прим. авт.).

ность. В городе он нашел работу трубочиста – ходил по домам, чистил вытяжки на кухнях и за год заработал кучу денег. Два года назад он на месяц приехал в деревню и за это время сумел очаровать Сюсю. Ее родные делали вид, будто не замечали ее новой симпатии. Облепленная шелухой от дынных семечек, корявая стена их дома была сплошь исчерчена записями о том, кому и сколько задолжал ее отец за минувшие годы. Сюсю не ходила в школу, но с детства питала слабость к людям, которые умели читать. Именно этим ее учитель и привлек. Но ловкий трубочист подарил ей флакон дешевых духов и позолоченное ожерелье, и этого вполне хватило, чтобы завоевать ее расположение. «От умения читать еда на столе не появится», – сказала она ему. Он знал, что это не совсем так, но действительно его работа могла обеспечить только плохую еду, особенно по сравнению с тем, что мог предложить ей бывший односельчанин, сделавшийся горожанином. Ему нечего было ей ответить. Сюсю вышла за дверь, оставив после себя только запах духов, от которого у него засвербело в носу.

Через год после женитьбы Сюсю умерла в родах. Он до сих пор помнил, как акушерка секунду подержала ржавые щипцы над огнем, прежде чем ввести их в роженицу. Кровь Сюсю до краев наполнила подставленный медный таз. Она умерла по дороге в городскую больницу. Муж потратил на свадьбу 30 000 юаней; такой роскоши деревня еще не видела. Почему он не захотел потратить еще немного, чтобы Сюсю смогла родить в больнице? Он выяснил, сколько стоили бы такие роды – всего двести-триста юаней. Но в деревне свои порядки, и ни одна местная жительница никогда не рожала в больнице. Никто не винил молодого мужа. Все воздевали руки к небу и твердили, что такова ее судьба. Позже он услышал, что Сюсю еще повезло по сравнению с участью матери ее мужа. У той тоже случились трудные роды. Акушерка сказала его отцу, что должен родиться мальчик, и тот решил спасти младенца. Роженицу посадили на спину осла и водили его по кругу, чтобы «раскрутить» ребенка. Очевидцы рассказывали, что в пыли образовалось кольцо из ее крови.

Он тяжело вздохнул, в очередной раз ощутив беспросветность и безнадежность деревенской жизни.

А вот у детей надежда все еще оставалась, невзирая даже на то, что зимой им приходилось сидеть в холодном классе и при свете свечи всматриваться в написанное на доске. Он и был свечой. Он будет гореть душой и телом ради этих детей так долго, как сможет, с таким пылом, на какой способен.

Он поднялся с неудобного сиденья, прошел еще немного и свернул в книжный магазин. У города все-таки имеются достоинства – даже книжные магазины здесь работают допоздна. Он потратил все имевшиеся деньги на книги для скудной школьной библиотечки, оставив лишь на билет. Глубокой ночью, навьюченный двумя тяжелыми связками книг, он сел в поезд и отправился домой.

* * *

В центре Млечного Пути, за пятьдесят тысяч световых лет от Земли, близилась к завершению межзвездная война, длившаяся двадцать тысяч лет.

На фоне сияющих звезд был отчетливо виден как будто вырезанный ножницами беззвездный квадрат со сторонами по 6000 миль, выделявшийся чернотой даже в черноте космоса – пустота внутри пустоты. В этом квадрате начали появляться какие-то предметы. Все они были разной формы; общим был их размер – с земную Луну – и ослепительно серебристый цвет. Их становилось все больше и, появляясь, они сразу собирались в правильную кубическую фигуру. Куб постепенно рос над черным квадратом, как мозаичная панель, вставленная в вечную стену самой Вселенной; основой ее служила полная бархатная чернота квадрата, а плитками – светящиеся серебряные объекты. Они были подобны космической симфонии,

обретшей физическую форму. Постепенно черный квадрат вновь растворился в пространстве, и среди звезд остался зловеще плавать кубический массив из серебристых небесных тел.

Межзвездный флот Галактической федерации углеродной жизни завершил первое искривление пространства-времени на своем пути.

Высший архонт Углеродной федерации смотрел с флагманского корабля на металлический, серебряный пейзаж. Замысловатая сеть путей змеилась, словно схема, выгравированная на бесконечно широкой серебристой печатной плате. Время от времени на поверхности появлялись каплевидные машины; они стремительно, так, что в глазах расплывалось, пронеслись по путям и через несколько секунд бесшумно исчезали в порталах, которые внезапно раскрывались, чтобы принять их, и тут же закрывались без следа. За время путешествия через искривленное пространство флот густо облепила космическая пыль, и сейчас она висела над ландшафтом облаками, которые, ионизируясь, слабо светились красным.

Высший архонт славился невозмутимостью. Его обычно окружала безмятежно спокойная лазурная умственная аура, которая воспринималась чуть ли не как символ его личности. Однако в этот момент в его ауре появились следы того желтого света, каким пылали ауры тех, кто сейчас находился рядом с ним.

– Ну, наконец-то всё. – Умственная аура Высшего архонта завибрировала, передавая сообщение сенатору и адмиралу флота, которые стояли по сторонам от него.

– Да, все кончено. Война тянулась слишком долго – настолько долго, что мы забыли, как она началась, – ответил сенатор.

Флоту теперь предстояло двигаться немного медленнее скорости света. Одновременно включились субсветовые двигатели кораблей, и вокруг флагмана засияли тысячи голубых солнц. Серебряная плата под ними отражала пламя двигателей, как невысказанно громадное, поистине бескрайнее зеркало, и каждое голубое солнце находило в нем свое отражение.

Начало войны запечатлелось в давних, древних воспоминаниях, которые не сторели в пламени сражений, а напротив, сохранились у всех и каждого. Эта память передавалась через сотни поколений, но для триллионов жителей Углеродной федерации событие оставалось совершенно свежим и было накрепко впечатано в их сердца и сознание.

Двадцать тысяч лет назад Империя кремниевой жизни с периферии галактики предприняла широкомасштабное нападение на Углеродную федерацию. Пять миллионов боевых кораблей империи атаковали звезды на фронте протяженностью десять тысяч световых лет. Каждый корабль выкачивал из звезды энергию, чтобы открыть червоточину сквозь пространство-время, и переходил через нее к следующей звезде, где все повторялось. Открытие червоточины забирало значительную часть энергии звезды, из-за чего ее излучение смещалось в красную область спектра. После того как корабль совершал прыжок, свет звезды постепенно возвращался к своему прежнему состоянию. Совокупный эффект от таких действий миллионов кораблей был ужасающим. На краю галактики возникла красная полоса, удлинявшаяся к ее центру; это явление оставалось невидимым для обсерваторий, ведущих наблюдение в световом диапазоне, но гиперпространственные мониторы сразу заметили его. Полоса, образуемая красными звездами – кровавый прилив шириной в 10 000 световых лет, – разворачивалась от границ Углеродной империи.

Первой планетой Углеродной федерации, попавшей под удар Кремниевой империи, оказалась Зеленоморье, симпатичная планетка, вращавшаяся вокруг двойной звезды. На ней вовсе не было суши, только океан, по которому плавали леса мягких длинных растений, похожих на лозы или лианы. В этих лесах жили, ловко плавая между растениями, совершенно безобидные миловидные обитатели Зеленоморья, создавшие буквально райскую цивилизацию. И вдруг небо планеты прорезали десятки тысяч световых лучей, исторгаемых лазерами флота Кремниевой империи, которые начали нагревать океан. Очень быстро планета превратилась в бурлящий котел, и вся ее жизнь, включая пять миллиардов разумных жителей, погибла в

страшных мучениях в кипящей воде. Довольно скоро вся вода испарилась, и прекрасная еще совсем недавно планета Зеленоморье превратилась в серый ад, окутанный густым водяным паром.

В галактике практически не осталось мест, не затронутых войной. Шла разрушительная битва на выживание между двумя цивилизациями, основой жизни одной из которых служил углерод, а другой – кремний. Враги не ожидали, что она растянется на двадцать тысяч галактических лет!

Никто, кроме историков, не помнил, сколько битв состоялось между флотами в миллион и даже больше кораблей. Крупнейшей из них считалась битва во Втором рукаве, состоявшаяся, как ясно из названия, во втором спиральном рукаве галактики Млечный Путь. С обеих сторон в ней участвовало свыше десяти миллионов боевых кораблей. Исторические хроники свидетельствуют, что в обширной зоне боев образовалось более двух тысяч сверхновых, вспыхнувших в черной бездне, как невероятный фейерверк. В результате весь рукав заполнился сверхмощной радиацией, в которой плавали, как призраки, скопления черных дыр. К концу сражения оба флота погибли почти полностью. С тех пор минуло пятнадцать тысяч лет, и история сражения могла бы восприниматься как античный миф, если бы не существовала та самая область, где оно проходило. Космические корабли старались не входить туда, поскольку этот район стал самым страшным во всей галактике, и не только из-за радиации и множества черных дыр. Во время боя целые эскадры кораблей обоих немыслимо громадных флотов то и дело совершали тактические маневры в форме пространственно-временных скачков на короткие дистанции. Утверждалось, что в ближнем бою некоторые межзвездные истребители совершали считавшиеся практически невозможными из-за мизерности расстояния прыжки всего на несколько миль! В результате колоссальная область пространства оказалась сплошь пробита дырами, а точнее говоря – истрепана в лохмотья. Любой корабль, которому выпало бы несчастье оказаться здесь, почти неминуемо влетел бы на участок искаженного пространства, после чего его судьба оказалась бы незавидной: он мог бы, например, превратиться в длинный тонкий металлический стержень или размазаться в лист площадью в миллионы квадратных миль и толщиной в несколько атомов, который жесткое излучение немедленно разодрало бы на мельчайшие кусочки. Впрочем, чаще корабль, угодивший в такую ловушку искаженного пространства-времени, молодец до состояния разрозненных деталей перед началом сборки или, напротив, мгновенно старел и превращался в изъеденную коррозией дряхлую оболочку, а все внутри нее рассыпалось в пыль. Живое существо, находившееся на борту, мгновенно превратилось бы в зародыш или, напротив, в грудку ветхих костей...

А вот решающая битва отнюдь не относилась к области мифологии. Она произошла всего год назад. Кремниевая империя сконцентрировала остатки своих сил, полтора миллиона кораблей, в глубоком космосе между первым и вторым спиральными рукавами галактики. Свое расположение они окружили барьером из антиматерии, расположив его сферой радиусом в тысячу световых лет. Первая идущая в атаку эскадра Углеродной федерации совершила скачок прямо к барьеру и с разгона вошла в него. Барьер был очень тонок, но тем не менее смертоносен для кораблей, которые мгновенно объяло пламя. Оставляя за собой длинные огненные хвосты, переходящие в флуоресцентные полосы, обреченные корабли отважно устремились к своей цели. Лавина из тридцати с лишним тысяч искрящихся звезд, несущаяся выбранным курсом, стала самым величественным, самым трагическим образом в истории Углеродно-кремниевой войны. Поток быстро редел, и в непосредственной близости от боевого построения Кремниевого флота аннигиляция прикончила всех атакующих, ни один из них не долетел до врага. Однако своим самопожертвованием они открыли туннель для остальных сил атакующего флота. В результате сражения последний флот Кремниевой империи вынужден был отступить в самый отдаленный уголок Млечного Пути – в оконечность первого спирального рукава.

И сейчас флот Углеродной федерации готовился приступить к завершающему шагу войны – созданию в рукаве изолирующего пояса шириной в пятьсот световых лет. Для этого нужно было уничтожить практически все звезды в этой полосе. Это лишило бы Кремниевую империю возможности совершать межзвездные прыжки. А ведь только этот метод позволял боевым кораблям предпринимать быстрые дальние рейды, причем предельная дальность прыжка составляла всего двести световых лет. После создания пояса могучим кораблям Кремниевой империи, чтобы попасть в центр галактики, придется преодолевать дистанцию в пятьсот световых лет на субсветовой скорости. Фактически Кремниевая империя окажется запертой в самой дальней части спирального рукава и больше не будет представлять серьезной угрозы для цивилизаций на основе углеродной жизни, сгруппированных в центре галактики.

Умственная аура сенатора завибрировала; он обращался к Высшему архонту.

– Сенат единодушно выдвинул требование: прежде чем приступить к уничтожению звезд, необходимо создать экран, обеспечивающий защиту жизни на уровне живого существа.

– Я понимаю обеспокоенность Сената, – ответил Высший архонт. – На протяжении этой чрезмерно длительной войны пролилось столько крови самых разных форм жизни, что ею можно было бы наполнить океаны многих тысяч планет. Теперь, когда война практически завершилась, прежде всего надлежит восстановить в галактике уважение к жизни – не только к жизни на основе соединений углерода, но в равной степени к кремниевой жизни. Именно поэтому Федерация остановилась в шаге от полного истребления кремниевой цивилизации. Увы, Кремниевой империи чужды подобные соображения. У ее обитателей врожденное пристрастие к войне и завоеваниям. Так было всегда, даже задолго до Углеродно-кремниевой войны. Воинственность впечатана в каждый их ген, в каждую цепочку генетического кода, это фактически единственный смысл существования империи. Цивилизация жизни на кремниевой основе далеко опережает нас в хранении и обработке информации. Даже здесь, в дальнем закоулке первого спирального рукава, она быстро восстановится и перейдет к дальнейшему развитию. Потому-то нам жизненно необходимо создать как можно скорее изолирующий пояс между федерацией и империей. При таких обстоятельствах обследовать каждую из сотен миллионов звезд на предмет наличия жизни просто невозможно. Пусть даже первый спиральный рукав – это самый пустынный участок галактики, но здесь, несомненно, немало звезд с обитаемыми планетами, находящимися в пределах прыжковой досягаемости одна от другой. Корабли средних размеров вполне способны пересечь пояс, опираясь на них, а ведь любой боевой рейдер Кремниевой империи, достигнув пространства федерации, может причинить там очень серьезный ущерб. Поэтому мы можем пойти лишь на создание жизнезащитных экранов цивилизационного уровня. Нам придется пожертвовать примитивными формами жизни в поясе, чтобы сохранить в остальной галактике развитые и такие же примитивные формы жизни. Я уже представлял Сенату эти соображения.

– Да, почтенный, Сенат принял во внимание ваши соображения. Их подробно объяснили и вы сами, и Комитет обороны федерации. И заявление Сената – лишь пожелание, а не постановление. И все же звезды в поясе, на которых жизненные формы достигли уровня 3В и выше, необходимо защитить.

– В этом можете не сомневаться, – ответил Верховный архонт, и его аура полыхнула алым светом безусловной искренности. – Мы проведем цивилизационные тесты на всех планетных системах пояса самым тщательным образом!

Аура адмирала завибрировала впервые за все время беседы.

– Думаю, вам не о чем беспокоиться, – передал он. – Первый спиральный рукав – самая пустынная и безжизненная область галактики. Здесь просто не может быть цивилизаций даже уровня 3Б, а уж высших ступеней тем более.

– Надеюсь, что вы правы, – в один голос ответили Высший архонт и сенатор. Их ауры завибрировали в точно совпадающем резонансе и выбросили в небо над металлической почвой строго идентичные всплески плазмы.

Флот приступил ко второму скачку, направляясь с практически бесконечной скоростью в сторону первого спирального рукава галактики.

* * *

Стоял поздний вечер. Дети собрались при свете свечи у одра болезни своего учителя.

– Учитель, вам надо отдохнуть. Этот урок вы вполне можете провести завтра, – сказал один из мальчиков.

Он заставил себя улыбнуться, скрывая боль.

– Завтра будет завтрашний урок.

«Если доживу до завтра», – мысленно добавил он. Правда, интуиция подсказывала, что эта ночь станет для него последней.

Он сделал слабый жест, и один из детей положил ему на грудь, поверх одеяла, маленькую черную доску. Так он и проводил уроки весь последний месяц. Другой ученик подал коротенький, стершийся от длительного употребления кусочек мела; учитель неловко взял его и с большим трудом поднес кончик мела к доске. Его пронзил сильный приступ резкой боли. Рука затряслась так, что мелок ударялся о доску, оставляя на ней белые точки. После возвращения из города он ни разу не был у врачей. Печень начала болеть два месяца назад – рак добрался до нее. Боль стремительно усиливалась, и, когда она стала невыносимой, учитель полез под подушку за болеутоляющим – простыми, продающимися без рецепта таблетками в пластиковом блистере. Они были бесполезны при мучениях, вызванных раком на последней стадии, но все же вроде бы оказывали некоторый эффект плацебо. Существовал недорогой демерол, но, во-первых, его разрешали употреблять только в больничных условиях и, во-вторых, если бы даже удалось добыть его и доставить в деревню, тут все равно не нашлось бы никого, кто смог бы сделать укол. Как обычно, он выдавил из оболочки две таблетки. Потом подумал, извлек еще двенадцать – все, что оставалось, – и проглотил разом. Все равно больше не понадобятся. После этого он вернулся к уроку и начал было записывать на доске то, что запланировал на сегодня, но снова пришлось прерваться – теперь из-за кашля. Он отвернулся, и кто-то из детей поспешно поднес к его рту миску. Учитель сплюнул туда полный рот красно-черной крови и откинулся на подушку, чтобы перевести дыхание.

Несколько ребятишек громко всхлипывали.

Учитель отказался от попыток писать на доске. По его знаку дети убрали ее. И он заговорил слабым голосом, почти шепотом:

– Как и те уроки, которые были у вас вчера и позавчера, сегодняшней вообще-то должен был предназначаться для учеников не начальной, а средней школы. В вашей программе такого нет. Вряд ли кому-то из вас выпадет возможность продолжить обучение в средней школе, поэтому я решил дать вам попробовать на вкус, что такое более глубокое погружение в сущность предмета. Вчера мы с вами читали «Записки сумасшедшего» Лу Синя. Наверняка вы мало что поняли, но я хотел бы, чтобы вы несколько раз перечитали этот рассказ, а еще лучше будет, если вы выучите его наизусть. Вы поймете его, когда повзрослеете. Лу Синь был замечательным человеком. Его книги следует прочитать каждому китайцу. Уверен, что все вы рано или поздно это сделаете.

Он умолк и лежал, глядя на мерцающее пламя свечи и пытаясь отдышаться. На память ему пришел другой отрывок из Лу Синя – не из «Записок сумасшедшего». Этого текста не было в хрестоматии, имевшейся в школе, он попался в одном из принадлежавших лично ему

замусоленных разрозненных томов «Избранных сочинений». С тех пор – а прошло уже немало лет – он не забыл ни единого слова.

«...Представь себе, что в железной камере нет ни окон, ни дверей, в камере, которую невозможно сломать, люди спят крепким сном. Их много. Они скоро погибнут, но расстанутся с жизнью в забытьи. Так стоит ли поднимать шум, чтобы немногие, самые чуткие, проснулись и испытали все муки неизбежного конца?

– Но ведь некоторые уже проснулись – значит, появилась надежда сломать камеру»³.

Собрав последние силы, он продолжил урок.

– Сегодня мы проведем урок по физике из программы средней школы. Возможно, вы даже не знаете, что такое физика. Это наука о том, как, по каким принципам устроен вещественный мир – немыслимо обширная и глубокая область знания.

Мы будем говорить о трех законах Ньютона. Ньютон – знаменитый английский ученый, живший очень давно. Он установил три важнейших правила, которым подчиняется все на Земле и в небесах, от Солнца и Луны, которые находятся высоко над нашими головами, до воды и воздуха нашей родной планеты. Нет ничего такого, что было бы неподвластно трем законам Ньютона. Зная их, мы можем с точностью до секунды рассчитать, когда случится солнечное затмение; в нашей деревне старики говорят об этом явлении: «собака съела солнце». Знание трех законов Ньютона позволяет людям летать на Луну.

Первый закон гласит: «Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние».

Дети, не отрывая взглядов, смотрели на него, никто даже не шевелился.

– Это значит, что, если взять большой жернов с мельницы, поставить его на ребро и толкнуть хорошенько, он должен покатиться прямо до горизонта. Что ты смеешься, Баочжу? Ты прав, такого не может случиться. Потому что сила, именуемая *трением*, заставит жернов остановиться. На свете нет ничего такого, что не испытывало бы трения.

«Это верно, – подумал он, – нет ничего на свете, что не испытывало бы трения, в частности его жизнь». Он не принадлежал ни к одному из семейств исконных жителей деревни, о чем прямо говорила его фамилия, и поэтому его слово не имело здесь веса. А ведь он был еще и страшно упрям! За много лет, прожитых здесь, он умудрился так или иначе оскорбить практически всех деревенских. Он по многу раз заходил в каждый дом, уговаривая родителей отдать детей в школу, ему случалось отрывать ребятишек от работы, которой они с малолетства занимались вместе с отцами, обещая оплачивать их учебу за свой счет, – и всегда выполнял эти обещания. Все это отнюдь не вызывало у деревенских симпатии к нему. Ну а главная причина состояла в том, что его представления о том, как следует жить, очень сильно отличались от их представлений. Он постоянно говорил что-то, в чем они не видели смысла, и это их злило. Незадолго до того, как обнаружилась его болезнь, он съездил в город и выпросил в управлении образования денег на ремонт школы. Деревенские жители изъяли часть переведенных денег, чтобы нанять на два дня оперную труппу, которая должна была бы развлекать их во время предстоящих праздников. Он ужасно разозлился, снова поехал в город и привез оттуда главу округа, который заставил деревенских вернуть деньги. А ведь они уже построили сцену для певцов. Ремонт в школе удалось сделать, но отношения с местными жителями он испортил окончательно. Прежде всего деревенский электрик, племянник старосты, отключил школу от электросети. Потом школе перестали давать кукурузные стебли, которыми он всегда топил печи и кухонную плиту, и ему пришлось забросить огород и подолгу собирать хворост в горах, вместо того чтобы заниматься с детьми. Потом он пострадал, спасая крышу спального

³ Перевод Вл. Рогова.

помещения. Непрерывное, неослабевающее трение измотало его тело и душу, он больше не мог двигаться по прямой с постоянной скоростью. Пришло время остановиться.

Возможно, в месте, куда ему предстоит попасть, трения не существует, а напротив, сплошная тишь да гладь. Но ему-то что делать в таком месте? Его сердце все равно останется в этом мире с его неумолимым трением и вездесущей пылью, в начальной школе, которой он отдал всю свою жизнь. Как только его не станет, двое других учителей сразу же уедут, и школа со скрипом остановится в своем движении, как деревенская мельница. Он ощутил глубокую скорбь – ему не суждено обрести покой ни в этом мире, ни в следующем.

– Второй закон Ньютона немного сложнее, поэтому мы оставим его напоследок. А третий закон звучит так: если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на это другое тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

Ученики долго молчали.

– Вы поняли? Кто сможет объяснить, что я сказал?

С места поднялся Чжао Лабао, лучший ученик.

– Я вроде понял, но смысла не уловил. Вот сегодня утром я подрался с Ли Цюаньгуем, и он угодил мне кулаком в лицо. У, вон, щека опухла! Нет, силы тут неравные!

Учитель с трудом перевел дыхание и объяснил:

– Больно тебе потому, что твоя щека мягче, чем кулак Цюаньгуя. А силы и от кулака к щеке, и от щеки к кулаку были приложены одинаковые.

Он хотел подкрепить свои слова жестом, но не смог поднять руку с постели. Казалось, что руки и ноги у него стали тяжелыми, как железо, и совсем скоро его тело отяжелеет настолько, что проломит топчан и погрузится в землю.

Совсем скоро.

* * *

Номер цели: 1033715.

Абсолютное притяжение: 3,5.

Стадия эволюции: верхняя часть главной последовательности.

Обнаружены две планеты; средний радиус орбит 1,3 и 4,7 единицы расстояния.

Жизнь обнаружена на планете 1.

Докладывал корабль «Красный 69012».

Сто тысяч боевых кораблей межзвездного флота Углеродной федерации растянулись ровной цепью длиной десять тысяч световых лет, чтобы приступить к созданию изолирующего пояса. Первым этапом должно было стать пробное уничтожение пяти тысяч звезд. Лишь у 137 из них имелись планеты, и на одной из них была обнаружена жизнь.

– Первый спиральный рукав – действительно пустынная область, – вздохнул Верховный архонт. Его аура завибрировала, призывая голографическую проекцию, которая перекрыла участок палубы на мостике флагмана и звезды над головой. Теперь казалось, будто архонт, адмирал и сенатор плавают в беспредельной пустоте. Затем архонт включил показ информации, присланной разведчиками, и среди пустоты повис шар, сияющий голубым пламенем. Аура Верховного архонта ввела в поле зрения белый квадрат; он сразу же изменил форму, переместился и закрыл изображение звезды, отчего пространство снова погрузилось в почти полную тьму, где выделялась лишь маленькая желтая светящаяся точка. Изображение тут же сфокусировалось, и желтая точка переместилась на передний план, заняв половину пустоты и заливая всех троих отраженным оранжевым сиянием.

Планета обладала густой беспокойной атмосферой, похожей на оранжевый океан. Движение газа отражалось чрезвычайно сложным, непрерывно меняющимся узором линий. Изображение планеты продолжало расти, пока не заслонило собой всю Вселенную; наблюдателей поглотил ее оранжевый газообразный океан. Зонд провел их сквозь плотные облака туда, где туман был не столь густым, что позволило увидеть формы жизни на планете.

В верхних слоях атмосферы плавала стая животных эллипсоидной формы. Их тела покрывали очень приятные на вид калейдоскопические узоры, мгновенно менявшиеся с набора полос на точки и так далее; вероятно, это был своеобразный визуальный язык. Каждый эллипсоид имел длинный хвост, на кончике которого то и дело возникала яркая вспышка, пробегавшая по всей длине хвоста и заполнявшая баллон рассеянным свечением.

«Начинайте четырехмерное сканирование», – прозвучал голос командира «Красного 69012».

По «воздушным шарам» с невероятной скоростью пробежался чрезвычайно тонкий луч. Несмотря на толщину всего в несколько атомов, внутренняя часть луча имела на одно пространственное измерение больше, нежели обычное пространство. Данные сканирования поступили на корабль, где главный корабельный компьютер так же быстро виртуально препарировал существа-шары на сотни миллиардов тонких ломтиков. Каждый срез представлял собой поперечное сечение толщиной в атом, где с почти идеальной точностью, вплоть до состояния каждого кварка, отражалось все содержимое шара.

– Приступайте к сборке зеркала данных!

Корабельный компьютер перебрал сотни миллиардов изображений срезов, находившихся в памяти, и объединил их в первоначальном порядке. Вскоре в обширной цифровой вселенной компьютера появился полый вытянутый воздушный шар – идеальная копия формы жизни, обнаруженной на планете.

– Начать цивилизационный тест на уровень ЗБ!

Компьютер быстро определил мыслительный орган существа, эллиптическую структуру, которая висела в центре сложного сплетения нервов, мгновенно проанализировал структуру мозга и установил с ним прямой высокоскоростной информационный интерфейс, минуя все периферийные органы чувств существа.

Цивилизационный тест состоял из набора вопросов, выбранных случайным образом из огромной базы данных. Три правильных ответа считались проходными. Если форма жизни не давала правильных ответов на все три первых вопроса, тестирующий мог либо завершить тест и объявить, что испытуемый не соответствует требуемому уровню, либо мог продолжать задавать вопросы. Их могло быть сколько угодно, но наличие трех правильных ответов считалось положительным завершением теста.

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, первый вопрос: опишите малейшую частицу вещества, известную вам.

– Ди-ди, ду-ду-ду, ди-ди-ди-ди, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень ЗБ, второй вопрос: каково мнение вашей науки по поводу направленности движения термальной энергии сквозь материю? Можно ли обратить направление этого движения в обратную сторону?

– Ду-ду-ду, ди-ди-ди, ди-ди-ду-ду, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень ЗБ, третий вопрос: каково отношение длины окружности к ее диаметру?

– Ди-ди-ди-ди-ду-ду-ду-ду, – ответил шар.

– Неверно. Цивилизационный тест на уровень ЗБ, четвертый вопрос...

– Достаточно, – сказал Верховный архонт после десятого вопроса. – У нас слишком мало времени. – Он повернулся и подал знак адмиралу.

– Сингулярную бомбу к пуску! – приказал адмирал.

Если сильно упростить описание, то сингулярная бомба представляет собой объект, практически не имеющий размера, точку в пространстве, которая в бесконечное количество раз меньше атома. При этом она обладает массой: самые крупные сингулярные бомбы – в миллиарды тонн, и даже самые мелкие – более десяти миллионов тонн. Бомба, покинувшая арсенал «Красного 69012», сначала приняла облик сферы диаметром в несколько тысяч метров, потом начала слабо светиться – излучение, генерируемое миниатюрной черной дырой, поглощало космическую пыль на своем пути. Эта миниатюрная черная дыра была не из тех, что образуются в результате коллапса звезд, она являлась крошечной моделью космологической сингулярности, образовавшейся в начале Вселенной и предшествовавшей Большому взрыву. И Углеродная федерация, и Кремниевая империя содержали флотилии кораблей, которые бороздили пустое пространство за галактическим экватором, собирая эти первичные черные дыры. Жители некоторых морских планет называли эти флотилии «глубоководными траулерами». «Уловы» этих флотилий были одним из самых мощных видов оружия в галактике и единственным оружием, способным уничтожить звезду.

Сингулярная бомба сорвалась с направляющих и, ускоряясь под действием луча силового поля, устремилась от корабля к своей цели – звезде. Очень скоро насыщенная космической пылью черная дыра нырнула в огненную оболочку звезды. Подхваченная вихрем звездная материя со всех сторон устремилась к центру черной дыры и бесследно исчезла там. Взамен изливалось обильное излучение, и черная дыра теперь выглядела как ослепительный шар света на поверхности звезды, бриллиант на опоясывающем ее невидимом кольце. По мере того как черная дыра погружалась в недра звезды, сияние шара становилось все слабее, зато окружавший его вихрь увеличивался и охватывал уже сотню миллионов миль. В этом вихре свет шара рассеивался на калейдоскопические брызги, образуя нечто, походившее с того расстояния, на котором находился корабль, на отвратительное призматическое лицо. Мгновение спустя шар исчез, а за ним исчез и вихрь, хотя и не так быстро. Звезда, казалось, вернулась к своим первоначальным цвету и яркости. Это был эпицентр бури, последний момент тишины перед аннигиляцией. Ненасытная черная дыра опускалась к плотному центру звезды, пожирая все на своем пути. Меньше чем за секунду она поглотила массу звездного вещества, превышающую сотни планет среднего размера. От черной дыры к поверхности звезды распространялось сверхсильное излучение. Некоторая его часть вырывалась наружу, но большая оказалась заблокирована звездным веществом, добавив звезде столько энергии, что конвекция нарушилась и все звездные процессы вышли из равновесия. Цвет звезды начал меняться, сначала от красного к ярко-желтому, затем к ярко-зеленому, затем к глубокому сапфирово-синему и, наконец, к неприятному фиолетовому. Сила излучения черной дыры к тому времени уже на несколько порядков превышала излучение от самой звезды, и чем больше энергии вытекало из звезды в виде невидимого света, тем интенсивнее становился ее фиолетовый цвет – агонизирующий дух, парящий в просторах космоса. Всего за час продолжавшееся несколько миллиардов лет путешествие звезды подошло к концу.

Вспышка света, казалось, охватила всю Вселенную, а затем медленно угасла. Там, где только что была звезда, теперь находилась сфера с тонкой оболочкой, быстро расширяющаяся, как надуваемый воздушный шар. Это была поверхность звезды, выброшенная наружу взрывом. По мере расширения оболочка делалась прозрачной, и стало видно, как в центре зародилась вторая полая сфера, а затем и третья. Эти волны вещества походили на изящно раскрашенные стеклянные шары, расположенные один внутри другого, и даже самые маленькие из них имели площадь поверхности в десятки тысяч раз большую, чем первоначальная площадь поверхности звезды. Первая волна в одно мгновение испарила оранжевую планету, хотя увидеть ее разрушение на таком великолепном фоне было невозможно. По сравнению с размерами расширяющегося звездного слоя планета была даже не точкой на поверхности шара, а пылинкой.

Ауры Высшего архонта и сенатора потемнели.

– Вам не нравится эта работа? – напрямик спросил адмирал.

– Еще одна разумная раса испарилась, как роса под солнечным светом.

– Вспомните о битве во Втором рукаве, ваше превосходительство – более двух тысяч звезд вспыхнуло сверхновыми, сгорело сто двадцать тысяч обитаемых планет. Сентиментальность для нас – недопустимая роскошь.

Сенатор сделал вид, будто не заметил этой реплики, и прямо обратился к Верховному архонту.

– Результаты выборочных проверок планет случайным способом ненадежны. Признаки цивилизации могут находиться в любом месте поверхности планеты. Нам необходимо использовать еще и сканирование местности.

– Я обсуждал возможность такого подхода с Сенатом, – ответил архонт. – Чтобы создать надежный изолирующий пояс, необходимо уничтожить сотни миллионов звезд. По предварительным прикидкам у десяти миллионов из них должны иметься планетные системы с примерно пятьюдесятью миллионами планет. Запас времени у нас очень мал; мы просто не в состоянии провести скрупулезное обследование каждой планеты. Единственное, что мы можем сделать, – это расширить поисковый луч, чтобы при случайном просмотре охватывать большие участки поверхности... и молиться, чтобы цивилизации, которые могут там оказаться, равномерно распространялись по поверхности своих планет.

* * *

– Теперь мы рассмотрим второй закон Ньютона.

Он говорил насколько мог быстро, чтобы за короткое время, которое ему осталось, успеть рассказать детям как можно больше.

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Чтобы понять это, нужно знать, что такое ускорение. Ускорение – это скорость, с которой скорость объекта изменяется с течением времени. Это понятие отличается от скорости – тело, которое движется быстро, необязательно *ускоряется*, а сильно ускоряющийся объект может двигаться совсем не быстро. Например, предположим, что предмет движется со скоростью 110 метров в секунду. Через две секунды его скорость будет 120 метров в секунду. Его ускорение составляет 120 минус 110, деленное на два... это пять метров в секунду – нет, пять метров в секунду в квадрате. Другой предмет движется со скоростью десять метров в секунду, но через две секунды его скорость окажется уже тридцать метров в секунду. Его ускорение составляет тридцать минус десять, деленное на два... десять метров в секунду в квадрате. Второй предмет, как вы, наверно, заметили, не такой быстрый, как первый, но его ускорение больше! Я упомянул квадраты: квадрат – это просто число, умноженное само на себя...

Он с удивлением заметил, что внезапно стал очень ясно мыслить. Он знал, что это значит: если жизнь – свеча, то его жизнь сгорела до основания, а фитиль упал, расплавив последний кусочек воска, и пламя вспыхнуло в десять раз ярче, чем раньше. Боль, терзавшая его, прошла, и тело больше не казалось тяжелым; вообще-то он почти не ощущал своего тела. Жизнь, с которой он расставался, казалось, вся сосредоточилась в мозгу, заставляя его яростно работать, чтобы передать все знания детям, собравшимся вокруг него. Мешала необходимость говорить: он знал, что у него очень мало времени. Ему представлялось, что знания, которые он накапливал всю свою жизнь, не так уж велики, но все они дороги ему – застряли в его мозгу, как маленькие жемчужины, и что, пока он говорил, хрустальный топор выбивал жемчужины из его мозга на пол, а дети торопливо подбирали их, как сладости в Новый год. Эта фантазия на миг наполнила его счастьем.

– Вы поняли? – тревожно спросил он. Зрение уже отказало ему, и он уже не видел собравшихся вокруг ребятшек, но все еще слышал их.

– Мы поняли! Учитель, отдохните, пожалуйста!

Он почувствовал, что его огонек начал гаснуть.

– Я знаю, что вы не поняли значения того, о чем я говорил, но все равно заучите это наизусть. Пусть не завтра, но когда-нибудь эти понятия обретут для вас смысл. *Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.*

– Учитель, мы поняли, правда, поняли! А теперь, пожалуйста, ну пожалуйста – отдохните!

Собрав последние крохи силы, он приказал:

– Повторите!

И дети сквозь слезы заговорили нараспев:

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе. Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе...

Несколько сот лет назад в Европе родился один из величайших умов мира, который записал эти слова и вернулся в прах. Теперь, в двадцатом веке, они звучали в глухой, заброшенной горной деревушке в исполнении хора детских голосов, говоривших с резким сельским акцентом. Под звуки этого умиротворяющего гимна свеча учителя погасла.

Дети, собравшиеся вокруг его мертвого тела, зарыдали.

* * *

Номер цели: 500921473.

Абсолютное притяжение: 4,71.

Стадия эволюции: средняя часть главной последовательности.

Обнаружены девять планет.

Докладывал корабль «Синий 84210».

– Просто редчайшая планетная система! – воскликнул адмирал.

– О да! – согласился Верховный архонт. – Маленькие каменные планеты и газовые гиганты сочетаются в поразительной гармонии, и пояс астероидов искусно вплетен во все это, будто ожерелье. А самая удаленная планета, карлик, покрытый метановым льдом, символизирует завершение одного шага и начало следующего подобно заключительной ноте музыкальной каденции...

– Докладывает «Синий 84210». Приступаем к поиску жизни на планете номер один. Планета не имеет атмосферы, вращение медленное, очень большой перепад температур. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто... Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

– На солнечной стороне этой планеты можно плавить сталь, – заявил адмирал. – Можно было и не тратить на нее времени.

– Приступаем к поиску жизни на планете номер два. Планета имеет плотную атмосферу с мощным кислотным облачным покровом и практически одинаковую температуру повсюду. Поисковый луч включен. Первый случайно выбранный участок: пусто. Второй участок: пусто... Третий участок: пусто. «Синий 84210» докладывает: на планете нет жизни.

– У меня сильное подозрение, что на третьей планете жизнь найдется. Осмотрите тридцать случайно выбранных участков, – сказал Верховный архонт; четырехмерный коммуникатор мгновенно передал его реплику вахтенному офицеру «Синего 84210», находившегося в тысяче с лишним световых лет от флагмана.

- Ваше превосходительство, у нас очень плотный график, – заметил адмирал.
- Вы получили приказ, – непрерываемо ответил архонт.
- Так точно, ваше превосходительство.
- Приступаем к поиску жизни на планете номер три. Планета имеет атмосферу умеренной плотности; большая часть ее поверхности покрыта океаном...

Первая вспышка луча системы поиска жизни накрыла кружок в глубине Азии диаметром около пяти километров. Даже при свете дня воздействие луча было видно невооруженным глазом – все неживые объекты в зоне действия поля делались прозрачными. Поле легло в горы северо-западного Китая; при свете дня наблюдатель увидел бы захватывающее зрелище: прозрачный горный хребет преломляет лучи солнца, а земля под ногами словно исчезла, разверзнув пропасть в глубины планеты. Живые организмы – люди, деревья, трава – при этом оставались непрозрачными, и их формы четко выделялись бы на хрустальном фоне. Однако этот эффект длился всего полсекунды, которые требовались лучу для калибровки, и зрители, скорее всего, подумали бы, что им это померещилось. Кроме того, на данном участке стояла ночь.

Точно в центре поля, сформированного лучом, находилась сельская начальная школа.

– Первый случайно выбранный участок... зеленый! Докладывает «Синий 82410»: на планете номер три цели 500921473 обнаружена жизнь!

Луч начал автоматически сортировать множество выявленных форм жизни, внося их в свою базу данных в порядке сложности и в соответствии с предположительной оценкой интеллекта. В верхней части списка оказалась группа форм жизни внутри квадратного укрытия. Луч сузился и сфокусировался на этом укрытии.

Изображение с корабля «Синий 84210» пришло в интеллектуальную ауру Верховного архонта. Тот спроецировал его на черный фон и мгновенно оказался внутри проекции деревенской школы. Система обработки изображений скрыла материальный объект, отделявший ограниченное пространство от внешнего, но находившиеся там формы жизни все же было трудно разглядеть, поскольку их тела были весьма похожи на раскинувшуюся вокруг желтую поверхность планеты с высоким содержанием соединений кремния. Компьютер удалил из поля зрения все неживые объекты, включая более крупное безжизненное тело, окруженное другими существами, и теперь существа как будто висели в пустоте. И все равно они оставались тусклыми и бесцветными, как пучок желтых растений. Этот вид определенно не обладал какими-либо примечательными фенотипическими особенностями.

Межзвездный военный корабль «Синий 84210», размером равный земной Луне, находился за орбитой Юпитера и мог сейчас рассматриваться как дополнительная планета Солнечной системы. От него исходил четырехмерный луч, практически мгновенно перемещающийся в трехмерном пространстве. Почти не затратив времени, луч достиг Земли и миновал крышу спальни сельской школы. Там он просканировал находившихся внутри восемнадцать детей вплоть до элементарных частиц, и с невообразимой скоростью передал огромное количество данных обратно в космос. Память главного компьютера «Синего 84210» превышала емкостью саму Вселенную; в одно мгновение там были созданы и сохранены цифровые копии детей.

Теперь эти восемнадцать детей плавали в бесконечной пустоте, цвет которой вряд ли можно было описать. Строго говоря, у нее вообще не было определенного цвета – во все стороны простиралась безграничная прозрачность. Дети инстинктивно попытались схватиться за кого-нибудь из находившихся рядом одноклассников, но руки проходили сквозь призрачные тела, не встречая никакого сопротивления. Они пришли в ужас. Компьютер обнаружил их страх, решил, что им для комфортного ощущения среды требуется что-то знакомое, и изменил цвет фона симуляции на близкий к небу их родной планеты. Дети сразу же увидели безоблачное, без солнца, темно-синее небо. Но земли под ногами у них не было, только бесконечная синева, такая же как и наверху, и они были единственными существами в ней. Компьютер провел повторную оценку цифровых клонов детей и обнаружил, что они все еще паникуют. За

стомиллионную долю секунды он понял причину: в то время как большинство форм жизни в галактике не боялось парения, эти существа отличались тем, что жили на поверхности планеты и не владели полетом. Компьютер добавил к модели земную гравитацию и грунт. Дети с изумлением обнаружили у себя под ногами чистую белую равнину, простирающуюся в бесконечность во всех направлениях и похожую на огромный лист писчей бумаги, так как ее пересекала аккуратная, правильная черная сетка. Сразу несколько детей присели на корточки, чтобы потрогать пол, и оказалось, что это самая гладкая поверхность, к которой им случалось прикасаться; кто-то попытался пройтись, но пол совершенно не имел трения, и от него невозможно было оттолкнуться. Школьники удивлялись, почему они не падают. Один из них снял башмак и толкнул его перед собой: башмак скользил с неизменной скоростью, и дети долго смотрели, как он удалялся по прямой, не замедляясь и не ускоряясь.

Они видели в действии Первый закон Ньютона.

По цифровой Вселенной разнесся мелодичный призрачный голос.

– Приступаем к цивилизационному тесту на уровень ЗБ. Первый вопрос: пожалуйста, изложите основные принципы биологической эволюции на вашей планете. Является ли она результатом естественного отбора или спонтанных мутаций?

Дети совершенно не поняли, о чем их спросили, и недоуменно промолчали.

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, второй вопрос: пожалуйста, расскажите вкратце об источниках энергии звезды.

Молчание.

...

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, десятый вопрос: пожалуйста, назовите химический состав жидкости, составляющей океан вашей планеты.

Дети снова промолчали.

Башмак продолжал скользить к горизонту, вот он удалился настолько, что превратился в черную точку, а потом и вовсе исчез.

– Хватит! – сказал Верховному архонту адмирал, находившийся в тысяче световых лет от него. – Такими темпами мы никогда не закончим первую стадию проекта.

Аура Верховного архонта чуть заметно завибрировала, выражая согласие.

– Сингулярную бомбу к пуску!

Луч в мгновение ока перенес команду сквозь четырехмерное пространство на «Синий 84210», осуществлявший операцию в Солнечной системе. Слабо светящийся шар плавно скатился с длинной направляющей в носовой части корабля и начал, ускоряясь под действием невидимого силового поля, приближаться к Солнцу.

Верховный архонт, сенатор и адмирал сосредоточились на другом регионе изолирующего пояса, где было обнаружено несколько обитаемых планетных систем, на которых самой высшей формой жизни являлись безмозглые черви, ползающие в грязи. Вся область заполнилась вспышками взрывающихся звезд, явственно напоминая о битве во Втором рукаве.

Вскоре незначительная часть ауры Верховного архонта обособилась от общей массы и вернулась в Солнечную систему. Он услышал голос командира «Синего 84210»:

– Приготовиться покинуть радиус взрыва. Минус тридцать до скачка. Начать отсчет!

– Подождите немного. Через сколько времени сингулярная бомба достигнет цели? – совершенно неожиданно для адмирала и сенатора спросил Верховный архонт.

– Приближается к орбите первой планеты. До соприкосновения около десяти минут.

– Значит, у нас есть еще минут пять для того, чтобы продолжить тест.

– Так точно, ваше превосходительство.

Вахтенный офицер «Синего 84210» запустил продолжение теста.

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, одиннадцатый вопрос: каково соотношение между сторонами прямоугольного треугольника на плоскости в трехмерном пространстве?

Молчание.

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, двенадцатый вопрос: какое положение занимает ваша планета по отношению к другим планетам вашей звездной системы?

Молчание.

– Ваше превосходительство, это бесполезно, – вмешался адмирал.

– Цивилизационный тест на уровень ЗБ, тринадцатый вопрос: как движется тело, если к нему не приложены внешние силы?

И вдруг дети, жавшиеся друг к другу под бескрайним синим небом моделированной Вселенной, хором ответили:

– Всякое тело будет находиться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения до тех пор, пока к нему не будет приложена сила, которая заставит его изменить это состояние.

– Ответ верный. Цивилизационный тест на уровень ЗБ, четырнадцатый вопрос:

– Подождите! – крикнул сенатор, прерывая вахтенного офицера, проводившего тест. – Следующий вопрос также касается эвристики в нерелятивистской механики. Разве это не нарушает правила тестирования? – обратился он к Верховному архонту.

– Поскольку вопрос имеется в базе данных, никакого нарушения не будет, – ответил вместо архонта адмирал. Он был не на шутку поражен тем, что столь неприятная форма жизни смогла дать верный ответ, и сразу настроился на продолжение опроса.

Цивилизационный тест на уровень ЗБ, четырнадцатый вопрос: пожалуйста, скажите, как соотносятся силы двух взаимодействующих тел?

– Если на тело действует с какой-то силой другое тело, то на второе тело действует точно такая же сила, но в противоположном направлении.

– Ответ верный! Цивилизационный тест на уровень ЗБ, пятнадцатый вопрос. Пожалуйста, охарактеризуйте взаимосвязь между массой и ускорением тела, на которое действует внешняя сила.

И дети снова ответили нестройным хором:

– Ускорение тела прямо пропорционально действующей на него силе и обратно пропорционально его массе.

– Ответ верный! Вы прошли тест, подтверждающий, что цивилизация третьей планеты звезды-цели 500921473 достигла уровня ЗБ.

– Отклоните сингулярную бомбу!!! Взрыв отменяется!!! – Пока приказ передавался через гиперпространство на «Синий 8420», аура Верховного архонта яростно вибрировала.

Разгонный силовой луч длиной в несколько сотен миллионов миль, бывший до этого мгновения прямолинейным, начал отгибаться от Солнца, как ветка дерева, гнущаяся под тяжестью спелых плодов. Генератор силового поля на борту «Синего 84210» работал с предельной нагрузкой; его огромный радиатор засветился сначала темно-красным, а затем ярко-белым свечением. Новый вектор тяги луча начал влиять на траекторию сингулярной бомбы, отклоняя ее от цели. Однако она находилась уже внутри орбиты Меркурия, очень близко к Солнцу, и никто не был уверен, что генератор силового поля сможет изменить курс бомбы настолько, чтобы предотвратить столкновение. Вся галактика с замиранием сердца следила из гиперпространства, как расплывчатый темный шар менял направление движения, но при этом становился все ярче; это служило тревожным признаком того, что бомба вошла в насыщенное частицами околосолнечное пространство. Капитан держал руку на красной кнопке гиперпространства, чтобы успеть в последнее мгновение увести корабль из Солнечной системы, если столкновение все же произойдет. В конце концов бомба взорвалась, не дойдя до поверхности Солнца совсем чуть-чуть, всего несколько десятков миль, и, проносясь мимо, начала всасывать огромное количество вещества из атмосферы звезды. При этом бомба вспыхнула бело-голубым светом, и на мгновение показалось, что у Солнца появилась более яркая звезда-близнец, запер-

тая на близкой двойной орбите; этому явлению предстояло стать непосильной вечной загадкой для жителей Земли. На обращенной к бомбе стороне огненной поверхности Солнца появилась темная полоса, сходная с кильватерной струей скоростного катера на спокойной воде, гравитация несущейся черной дыры поглотила солнечный свет, оставив на поверхности Солнца темный шрам в виде полумесяца, который быстро рос и затмил все солнечное полушарие. Когда же бомба начала удаляться от Солнца, она потащила за собой огромный протуберанец – красивую огненную нить длиной в миллион миль. Кончик протуберанца яростно выбрасывал наружу, в космос, массу вращающихся плазменных вихрей.

Удаляясь от Солнца, сингулярная бомба постепенно темнела и вскоре исчезла в бесконечной вселенской ночи.

– Мы чуть не уничтожили цивилизацию на основе углеродных соединений, – сказал сенатор, испустив вздох облегчения.

– В этой пустыне – и вдруг цивилизация уровня ЗБ! До сих пор не верится! – воскликнул адмирал.

– Да. Ни Углеродная федерация, ни Кремниевая империя не рассматривали эту область в своих планах расширения и освоения. Если эта цивилизация развивалась самостоятельно, это и впрямь неслыханная редкость, – сказал Верховный архонт.

– «Синий 84210», вам предписывается остаться в звездной системе и провести на третьей планете цивилизационный тест в полном объеме, – приказал адмирал. – Ваше первоначальное задание будет поручено другому кораблю.

* * *

С учениками деревенской школы, в отличие от их цифровых дубликатов, оказавшихся за орбитой Юпитера, не случилось ничего необычного. Они все так же плакали над телом учителя в спальне, освещенной лишь тусклыми свечами, и успокоились нескоро.

– Нужно сообщить взрослым, – сказала, всхлипнув, Го Цуйхуа.

– Зачем? – отозвался Лю Баочжу, глядя в пол. – Его никто в деревне и при жизни терпеть не мог. Зуб даю, они ему даже гроб не купят.

В конце концов дети решили, что сами похоронят своего учителя. Кирками и лопатами они стали рыть могилу на холме рядом со школой, и бриллиантово-ясные звезды молча смотрели с высоты на их работу.

* * *

Сенатор изучал результаты обследования, проведенного «Синим 84210», мгновенно преодолевавшие расстояние в тысячу световых лет.

– Цивилизация на этой планете вовсе не ЗБ! – воскликнул он в изумлении, – а все 5Ж!

На голограмме адмиральского салона флагмана возникла зубчатая череда небоскребов.

– Они уже начали использовать атомную энергию и могут летать в космосе, используя двигатели на химическом топливе. Они даже добрались до спутника планеты.

– Каковы основные особенности их расы? – спросил адмирал.

– Не могли бы вы сформулировать конкретнее? – осведомился офицер «Синего 84210».

– Ну, скажем, насколько развита их наследственная память?

– У них вообще нет наследственной памяти. Они всю жизнь накапливают собственные, индивидуальные воспоминания.

– Какие методы передачи информации от особи к особи они используют?

– Очень примитивный и редко встречающийся способ. У них в теле имеется небольшой по размеру орган, который создает вибрации, распространяющиеся волновым образом в атмо-

сфере планеты; она состоит в основном из азота и кислорода. Модулируя эти волны, они кодируют информацию. Для приема модулированных волн у них имеются отдельные органы – тонкие мембраны.

– И какую же скорость передачи данных обеспечивает этот способ?

– Примерно от одного до десяти бит в секунду.

– Что? – Все, находившиеся в салоне, дружно расхохотались.

– Именно так. Мы сами сначала не поверили, но многочисленные проверки подтвердили эти данные.

– Капитан, вы что, шутить с нами вздумали?! – взревел адмирал. – Вы пытаетесь убедить нас, что организмы, *вовсе* не имеющие наследственной памяти, передающие информацию посредством звуковых волн со скоростью *от одного до десяти бит в секунду*, способны создать цивилизацию уровня 5Ж? И что они достигли этого уровня исключительно собственными силами, без поддержки со стороны развитых цивилизаций?

– Так точно, ваше превосходительство.

– В таком случае они не могут передавать знания от поколения к поколению. А эволюционное развитие цивилизации невозможно без накопления знаний!

– У них существует класс особей, составляющий небольшую часть всего населения, равномерно распределенную по всей цивилизации. Они осуществляют функции посредников при передаче знаний между поколениями.

– Это совсем уже сказки!

– Вовсе нет, – возразил сенатор. – Такая концепция существовала в галактике в доисторические времена, но и тогда она представляла собой чрезвычайно редкое явление. Вряд ли о ней знает кто-нибудь, кроме историков эволюции цивилизаций тех звездных систем, в которых она наблюдалась.

– Говоря о «концепции», вы имеете в виду передачу знаний между поколениями конкретной расы?

– Совершенно верно. Такая особь именовалась «учитель».

– Учи-тель?..

– Архаичное слово, бывшее в ходу у нескольких давно не существующих цивилизаций. Настолько редкое, что даже не вошло в большинство старинных словарных баз данных.

Масштаб голографической проекции, транслируемой из Солнечной системы, изменился; теперь она изображала шар Земли, медленно вращающийся в космосе.

– Цивилизаций, которые развивались бы самостоятельно, очень мало, – сказал Верховный архонт, – а уж о таких, что своими силами достигли бы уровня 5Ж, на Млечном Пути вообще никто не слышал, во всяком случае, в эпоху Углеродной федерации. Мы должны предоставить этой цивилизации возможность продолжать эволюцию без внешнего воздействия, а сами будем наблюдать за ней. Это позволит нам не только глубже понять древние, утраченные цивилизации, но и, возможно, расширить наши представления о путях галактической цивилизации в более широком смысле этого понятия.

– Я прикажу «Синему 84210» немедленно покинуть звездную систему и создать вокруг нее бесполетную зону радиусом сто световых лет, – сказал адмирал.

* * *

Кто-то из страдающих бессонницей в Северном полушарии, возможно, видел, как небольшая группа звезд начала чуть заметно трепетать, затем дрожь распространилась на звезды, расположенные вокруг этой кучки, и пробежала дальше по всему ночному небу; так по неподвижной воде разбегаются круги, если опустить туда палец.

Пространственно-временная ударная волна, вызванная гиперпространственным прыжком «Синего 84210» значительно ослабла, пока достигла Земли. Все часы на планете перескочили на три секунды вперед. Люди, ограниченные трехмерным пространством, не заметили этого возмущения.

– Жаль, – сказал Верховный архонт. – Без вмешательства более развитой цивилизации они еще две тысячи лет будут ограничены субсветовыми скоростями и трехмерным пространством. Не раньше чем через тысячу лет они научатся использовать энергию аннигиляции материи и антиматерии. Еще две тысячи лет на то, чтобы освоить передачу и прием многомерных сообщений... а что касается гиперпространственных галактических путешествий, на это у них уйдет не менее пяти тысяч лет. И лишь через десять тысяч лет – это самое меньшее – они достигнут минимальных условий для вхождения в галактическое семейство углеродосодержащих форм жизни.

– Независимая эволюция такого рода имела место лишь в доисторическую эпоху галактики, – ответил сенатор. – Если наши записи о тех временах верны, мои далекие предки жили в глубинах океана морской планеты. Они жили и умирали там во тьме, их правительства образовывались и сдавали полномочия, а затем в какой-то момент они почувствовали жажду приключений. Они запустили летательный аппарат – плавающий прозрачный шар, который медленно поднимался к поверхности океана. На поверхности они оказались глубокой ночью. Путешественники в этом корабле стали первыми из моих предков, кто увидел звезды. Вы способны представить себе их чувства? Способны представить, каким великолепным и таинственным было для них это зрелище?

– Эта эпоха была исполнена страстей и стремлений, – подхватил Верховный архонт. – Планеты земного типа были для наших предков завершенным безграничным миром. Из своего дома в зеленых водах планеты или на ее пурпурных лугах они с благоговением смотрели на звезды. Таких чувств мы не испытывали уже десятки миллионов лет.

– Я испытываю их сейчас! – сказал сенатор, указывая на голографическое изображение Земли – сияющий голубой шар, над поверхностью которого плыли, струясь и вздымаясь, белые облака. У сенатора было такое чувство, словно он нашел жемчужину в глубинах океанского дома своих предков. – Такая маленькая планета, населенная организмами, живущими своей жизнью, лелеющими свои мечты, совершенно ничего не ведающими о нас и о раздорах и разрушениях, происходящих в их галактике. Им Вселенная должна казаться бездонным колодецем надежд и мечтаний. Это похоже на древнюю песню.

И он запел. Ауры всех троих стали единым целым, покрывшись рябью розовых волн. Он пел старую песню, дошедшую от забытых истоков цивилизации. Она звучала непривычно, таинственно, одиноко, но, когда эти звуки разнеслись через гиперпространство к сотням миллиардов звезд в галактике, бесчисленные существа услышали их и ощутили первозданные мир и покой.

– Самое непостижимое в этом мире – то, что он постижим⁴, – сказал Верховный архонт.

– Самое главное, что можно постичь, изучая Вселенную, – это ее непостижимость, – ответил сенатор.

* * *

К тому времени когда дети закончили рыть могилу, на востоке уже брезжил свет. Они отнесли туда тело своего учителя на двери, которую сорвали с классной комнаты, и опустили вместе с ним в могилу две коробки мела и потрепанный учебник. А на холмике они положили большой плоский камень и написали на нем мелом: «Могила господина Ли».

⁴ Альберт Эйнштейн. Физика и реальность.

Корявые иероглифы смоем первым же дождем, и довольно скоро местные жители забудут и о могиле, и о том, кто лежит в ней.

Краешек солнца вылез из-за холмов, бросив золотой луч на спящую деревню. Заросшая густой травой долина все еще лежала в тени, но в росинках уже ярко играли отблески зари. Одна-две птицы начали робко пробовать голоса.

Дети возвращались в деревню по узкой дороге. Вскоре их не по росту длинные тени рассеялись и пропали в бледной утренней туманной дымке, поднявшейся над долиной.

Им предстояло жить на этой древней бесплодной земле, но даже неизменная скудость урожая не сможет изгнать надежду из их сердец.

Переселенцы во времени

– Что впереди? —

Тех, кто придет, я вовеки не встречу.

– Что позади? —

Древние люди меня не встречали.

Думаю я:

Небо с Землею бескрайни, бескрайни —

И одиноко

слезы роняю в глубокой печали.

**Чэнь Цзыян. Песня, написанная, когда я поднялся на террасу
в Ючжоу⁵**

Впервые опубликован под названием ##### в «Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing House», Нянцзы, 2014 г.

⁵ Перевод Л.Н. Меньшикова.

Отъезд

Открытое письмо ко всему человечеству.

Из-за невыносимого экологического и демографического давления правительство было вынуждено начать программу переселения во времени. Первая группа из 80 миллионов переселенцев во времени переедет на 120 лет.

* * *

Посол уходил последним. Он стоял на пустой площадке перед огромным холодильником, в котором находилось 400 000 замороженных людей. Еще 200 таких же сооружений были разбросаны по всему миру. «С виду это больше всего походит на гробницу», – с содроганием подумал посол.

Хуа отказалась отправиться с ним. Она соответствовала всем требованиям к переселенцам и обладала вожденной миграционной картой, но в отличие от тех, кто стремился к новой жизни в будущем, испытывала неразрывную привязанность к нынешнему, реальному миру. Она останется здесь, а посол в одиночку отправится в путешествие протяженностью в 120 лет.

Посол отбыл час спустя, утонув в жидком гелии, который заморозил его тело почти до абсолютного нуля, как и еще 80 миллионов людей, отправившихся под его руководством в перелет по трассе времени.

Путь

Мимо скользило недоступное для восприятия время, Солнце несло по небу падающей звездой, рождения, любовь, смерти, радости, печали, потери, погони, борьба, неудачи и все прочее, что присуще внешнему миру, несло мимо, как товарный поезд...

...10 лет... 20 лет... 40 лет... 60 лет... 80 лет... 100 лет... 120 лет.

Остановка 1: Темные века

На всем протяжении гиперсна при самой низкой температуре, какая только бывает в природе, сознание замерзло, как и тело, и потому само существование времени оставалось незаметным, пока посол не проснулся с ощущением, что система охлаждения вышла из строя и он оттаял, едва только его успели заморозить. Но гигантский плазменный дисплей атомных часов напротив сообщил ему, что прошло 120 лет, то есть полторы жизни, и что они сделались изгнанниками во времени.

Передовая группа из 100 человек проснулась на прошлой неделе, чтобы установить контакт. Ее капитан сейчас стоял перед послом, который еще не совсем пришел в себя и был не в состоянии говорить. Капитан же в ответ на вопрошающий взгляд лишь покачал головой и вымученно улыбнулся.

Глава правительства пришел прямо в зал управления морозильника, чтобы приветствовать прибывших. Он казался усталым и каким-то потрепанным (впрочем, точно так же выглядела и вся его свита), что немало изумило посла – тот никак не ожидал увидеть такое через 120 лет после своей прежней жизни. Посол вручил письменное обращение от правительства своего времени и передал приветствия своего народа. Глава государства был немногословен, но крепко пожал руку посла. Жест был таким же грубым, как и лицо правителя, и у посла возникло ощущение, что за прошедшее время положение изменилось не настолько сильно, как он себе представлял когда-то. Ему от этого стало теплее.

Но это тепло напрочь исчезло в тот же момент, когда он вышел из морозильника. Снаружи все оказалось черным: черная земля, черные деревья, черная река, черные облака. Автомобиль на воздушной подушке, в котором они ехали, поднимал клубы черной пыли. Колонна приближающихся танков образовала линию черных пятен, движущихся по дороге, а группы вертолетов, совершенно бесшумно проносящиеся низко над головами, казались роем черных призраков. Землю будто опалило небесным огнем. Они миновали огромную яму размером с карьер из первой части жизни посла.

– Кратер.

– От... бомбы? – с великим трудом выговорил посол.

– Да. Килотонн, наверное, пятнадцать, – небрежным тоном бросил глава правительства, словно речь шла о совершенной мелочи.

Атмосфера встречи поколений, разделенных промежутком в век с лишним, делалась все более напряженной.

– И когда же началась война?

– Эта? Два года назад.

– Вы сказали: эта?

– С тех пор как вы отбыли, их случилось несколько.

И правитель тут же сменил тему. Он был на полтора века моложе посла, но казался ему одним из тех пожилых современников, которых всегда можно было встретить на производственных предприятиях и сельскохозяйственных фермах; эти люди неизменно замечали любые имеющиеся трудности, не позволяя ни одной ускользнуть из поля зрения.

– Мы примем всех иммигрантов и позаботимся о том, чтобы они жили в мире.

– Возможно ли это вообще – в нынешних обстоятельствах? – Вопрос был задан кем-то из сопровождающих посла, который сам хранил молчание.

– Действующая администрация и весь народ сделают все возможное, чтобы обеспечить это. Таков наш долг, – сказал правитель. – Конечно, иммигранты со своей стороны должны приложить все силы для адаптации. Это может оказаться непростой задачей, учитывая существенные изменения, произошедшие за 120 лет.

– Какого рода изменения? – спросил посол. – Здравомыслия как не было, так и нет, люди все так же воюют, все так же истребляют друг друга...

– Вы видите только внешнюю сторону событий, – сказал генерал в полевой форме. – Взять, к примеру, войну. Ведь как в наши дни сражаются между собой две страны? Во-первых, они объявляют типы и количество всего своего тактического и стратегического оружия. Затем компьютер может определить исход войны, исходя из скорости возможного взаимоуничтожения. Оружие предназначено исключительно для устрашения и никогда не используется. Война – это компьютерное моделирование, по результатам которого определяют победителя и проигравшего.

– А как определяют показатели взаимного уничтожения?

– Этим занимается всемирная организации по испытаниям оружия. Вот в ваше время существовала... э-э... Всемирная торговая организация...

– Войны столь же упорядоченны и планомерны, как и экономика?

– Война и есть экономика.

Посол посмотрел через окно машины на черный мир.

– Но, глядя в окна, трудно поверить, будто война – это всего лишь система уравнений.

Глава государства окинул посла тяжелым взглядом.

– Мы провели все расчеты, но не поверили их результатам.

– И поэтому начали войну в стиле вашего времени. «Настоящую» войну, – добавил генерал.

Правитель снова сменил тему.

– Сейчас мы направляемся в столицу, чтобы изучить проблемы, связанные с размораживанием иммигрантов.

– Отвезите нас назад, – сказал посол.

– Что?

– Отвезите нас назад. Вам совершенно ни к чему дополнительная нагрузка, да и время – это нельзя назвать подходящим для иммигрантов. Мы продвинемся немного дальше.

Летающий автомобиль вернулся к холодильнику № 1. Прежде чем проститься, глава правительства вручил послу книгу в прочной обложке.

– Хроника минувших 120 лет, – сказал он.

Затем чиновник ввел в зал мужчину 123 лет от роду, единственного, насколько было известно, человека этой эпохи, появившегося на свет до отбытия иммигрантов и сейчас стоявшего на встрече с послом.

– После вашего ухода так много всего произошло. Так много! – Старик достал два кубка того давнего времени и до краев наполнил их спиртным. – Мои родители тоже ушли вместе с вами, когда мне было три года. Они оставили мне эти чаши, чтобы я выпил с ними, когда они оттают. Но, увы, я их так и не увижу. И вы больше не увидите ни одного человека своего времени. Я последний.

Они выпили. Посол посмотрел в сухие глаза старика, и как раз в тот момент, когда он задавал себе вопрос, почему люди этой эпохи, кажется, разучились плакать, у старика выступили слезы. Он опустил на колени и сжал руки посла.

– Берегите себя, господин. «К западу от заставы Янгуань нет старых друзей»⁶.

Прежде чем тело посла ощутило стремительное охлаждение в жидком гелии, его распадающемуся сознанию внезапно явился образ Хуа. Она стояла на палых осенних листьях, а потом листья почернели, и вместо них появилась надгробная плита. Ее ли могила это была?

⁶ Строка из стихотворения Ван Вэя, поэта эпохи Тан: «Провожая Юаня Второго на службу в Аньси».

Путь

Во внешнем мире, недоступное для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время...

...120 лет... 130 лет... 150 лет... 180 лет... 200 лет... 250 лет... 300 лет... 350 лет... 400 лет... 500 лет... 600 лет.

Остановка 2: Эпоха вестибюля

– Почему вы не разбудили меня в положенное время и так надолго затянули перемещение? – спросил посол, с изумлением глядя на атомные часы.

– Передовая группа мобилизовывалась пять раз с интервалом в столетие и в одну эпоху даже провела десятилетие без сна, но будить вас мы не стали, потому что ни в одном из случаев иммиграция не была возможна. Таково было ваше собственное распоряжение, – напомнил капитан передовой группы. Посол наконец-то понял, что капитан выглядит заметно старше, чем при их предыдущем разговоре.

– Продолжаются войны?

– Нет. С войнами покончено навсегда. И хотя в течение первых трех столетий состояние природы продолжало ухудшаться, двести лет назад началось постепенное восстановление. Последние две эпохи отказывали иммигрантам, но эта согласилась их принять. Окончательное решение остается за вами и комиссией.

В вестибюле морозильной камеры никого не было. Когда гигантская дверь с тяжелым рокотом распахнулась, капитан прошептал послу:

– Приготовьтесь к тому, что перемены гораздо серьезнее, чем вы себе представляете.

Первые шаги, которые посол сделал в новую эпоху, сопровождались навязчивыми звуками, похожими на перезвон на ветру какой-то древней музыкальной подвески. Глубоко в хрустальной почве под ногами он увидел игру света и теней. Твердый на вид хрусталь ощущался под ногами мягким, как ковер, и каждый шаг вызывал этот перезвон колокольчиков, порождал концентрические цветные ореолы, расходящиеся от точки соприкосновения с поверхностью, как круги по спокойной воде. И такой вот, хрустальной, поверхность земли была повсюду, насколько хватал глаз.

– Этим материалом сплошь покрыта вся земля. Весь мир кажется искусственным, – сказал капитан и рассмеялся, увидев растерянное выражение лица посла, как бы говоря: погодите удивляться – это еще только цветочки! Посол же разглядел в хрустале свою собственную тень – или скорее тени, разбегающиеся во все стороны. Он поднял глаза...

Шесть солнц!

– Сейчас глубокая ночь, но ночь отменили двести лет назад. То, что вы видите, – это шесть зеркал на синхронизированных орбитах, отражающих солнечный свет на темную сторону земли. Каждое площадью в несколько сотен квадратных километров.

– А где горы? – Посол наконец-то понял, что не видит зубчатой линии гор на горизонте. Граница между землей и небом была прямой, будто ее провели по линейке.

– Их нет. Все сровняли. Все континенты теперь представляют собой плоские равнины.

– Почему?

– Понятия не имею.

Посол вдруг подумал, что шесть солнц точь-в-точь похожи на шесть ламп в вестибюле. Вестибюль! В голове у него начала складываться какая-то картинка. Он вдруг понял, что оказался в чистой эпохе. Нигде ни пылинки, даже пятнышка. В это трудно было поверить. Земля была голой, как огромный стол. И небо было таким же чистым, сияло ясной голубизной, хотя присутствие шести солнц уменьшило его прежнюю ширину и глубину, так что оно больше напоминало купол вестибюля. Вестибюль! Его смутная идея выкристаллизовалась: весь мир превратился в вестибюль. Усланный ковром из звящего хрустала и освещенный шестью подвесными лампами. Безупречная, изысканная эпоха, резко контрастирующая с предыдущей тьмой. И в хрониках кочевников во времени она получит название Эпохи Вестибюля.

– Они не сочли нужным явиться, чтобы приветствовать нас? – полуутвердительно заметил посол, окидывая взглядом широкую равнину.

– Нам пришлось самим оправиться в их столицу. Несмотря на внешнюю прилизанность, этот век равнодушен и лишен даже элементарного любопытства.

– Что они думают о нашей иммиграции?

– Они согласны принять нас лишь с тем условием, чтобы мигранты жили в резервациях и не соприкасались с обществом. А где будут эти резервации – на Земле, или на других планетах, или же в космическом городе (который мы должны будем построить сами), – решать нам самим.

– Это совершенно неприемлемо! – яростно воскликнул посол. – Все мигранты должны влиться в общество и в жизнь этого времени. Мигранты не будут второсортными гражданами! Это основополагающий принцип переселения во времени.

– Невозможно, – ответил капитан.

– Это их позиция?

– И моя тоже. Но позвольте мне закончить. Вы только что оттаяли, ну а я живу в этой эпохе уже больше полугода. Поверьте, прошу вас, – жизнь гораздо изобретательнее, чем мы привыкли считать. Даже в самом буйном воображении вы не смогли бы представить себе и десятой доли того, что она собой нынче представляет. Первобытному человеку каменного века и то гораздо легче было бы понять нашу с вами эпоху!

– Мы учитывали такую возможность еще при разработке всей программы. Именно по этой причине среди мигрантов не было никого старше 25 лет. Мы приложим все силы, чтобы выучиться всему и адаптироваться к любой обстановке!

– Выучиться? – Капитан с улыбкой покачал головой. – У вас найдется книжка? – Он указал на багаж посла. – Какая угодно.

Сбитый с толку посол достал томик «Фрегата «Паллада» Ивана Александровича Гончарова, который начал читать перед отправлением и так и оставил на середине. Капитан взглянул на заглавие и сказал:

– Откройте наугад и назовите мне номер страницы.

Посол послушно раскрыл книгу на странице 239. Капитан с точностью до буквы рассказал о том, что штурман видел в Африке.

– Понимаете? Теперь учиться вообще не нужно. Они импортируют знания непосредственно в мозг, подобно тому, как мы копировали данные на жесткие диски. Человеческая память достигла невообразимого развития. А если и ее не хватит... взгляните-ка. – Он достал из-за уха предмет размером со слуховой аппарат. – Это блок квантовой памяти, в котором можно сохранить все книги, возникшие на протяжении истории человечества, – или, если угодно, вообще все письменные памятники вплоть до последнего клочка бумаги для заметок. Мозг может извлекать отсюда информацию, как компьютер, и делать это намного быстрее, чем при использовании своей естественной памяти. Теперь понимаете? Я – вместилище всех человеческих знаний. Если захотите, вы тоже сможете получить все это, и потребуются вам менее часа. Так что для них обучение, которое вы имели в виду, – таинственный, непостижимый древний ритуал.

– Значит, их дети с самого рождения обладают всеми знаниями человечества?

– Дети? – капитан снова рассмеялся. – У них нет никаких детей.

– Как это – нет?

– Я разве не упомянул о том, что семьи давным-давно исчезли?

– Вы хотите сказать, что это последнее поколение?

– Концепции поколения теперь тоже не существует.

Изумление посла сменилось недоумением, но он попытался понять услышанное. И кажется, ему это в некоторой мере удалось.

– Из этого следует, что они живут вечно, да?

– Если какой-то орган тела выходит из строя, его заменяют новым. Если из строя выходит мозг, его информацию копируют и передают в трансплантат. После нескольких столетий таких замен от человека остается одна только память. Кто может сказать, молодые они или старые? Может быть, они считают себя старыми и именно поэтому не пришли знакомиться с нами. Конечно, они могут иметь детей, если захотят, путем клонирования или старомодным способом. Но мало кто это делает. Это поколение просуществовало более трехсот лет и будет точно так же существовать дальше. Вы способны представить себе, в какой степени это определяет форму быта их общества? Эрудиция, красота и долголетие, о которых мы мечтали, в эту эпоху достигаются без всякого труда.

– Послушать вас, так они создали идеальное общество. Но есть ли все же хоть что-нибудь, чего они желают, но не могут достичь?

– Ничего такого нет. Но именно потому что у них все есть, они всего лишились. Нам трудно это понять, но для них это серьезная проблема. Так что их общество далеко не идеально.

Растерянность посла сменилась задумчивостью. Шесть солнц двигались к западу и вскоре начали скрываться за горизонтом. Когда их осталось только два, взошла Венера, а потом с востока пробилась лучи восходящего истинного Солнца. Его мягкий свет немного успокоил посла: по крайней мере, хоть кое-что во Вселенной оставалось неизменным.

– Пятьсот лет – не так уж много. Почему же перемены оказались столь значительными? – спросил он, обращаясь не столько к капитану, сколько ко всему мирозданию.

– Ускорение прогресса человечества. Скажем, пятьдесят лет прогресса в наше время соответствовали предшествовавшим пяти векам. А этим пяти векам, пожалуй, можно поставить в соответствие и пятьдесят тысяч. Вы все еще считаете, что мигранты смогут адаптироваться?

– И каков же конечный пункт этого ускорения? – недобро прищурившись, спросил посол.

– Не знаю.

– В полном своде человеческих знаний, которым вы обзавелись, нет ответа на этот вопрос?

– Если можно сказать, что пребывание в этой эпохе в чем-то меня убедило, так лишь в том, что мы вышли за пределы того времени, когда все можно было объяснить знанием.

– Ну что ж, едем дальше! – решил посол. – Возьмите этот чип с собой, ну и прибор для закачки знаний в мозги.

Перед тем как погрузиться в марево гиперсна, посол снова увидел Хуа – всего один взгляд через 620 лет, незабвенный, рвущий сердце в ключья взгляд; но в стремительном потоке времени этот взгляд маяком указывал ему дом. Ему снилось облако пыли, плывущее над хрустальной землей, – неужели именно такую форму сейчас приняли ее кости?

Путь

Во внешнем мире, недоступные для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время...

...600 лет... 620 лет... 650 лет... 700 лет... 750 лет... 800 лет... 850 лет... 900 лет... 950 лет... 1000 лет.

Остановка 3: Невидимая эпоха

Герметичная дверь холодильника с глухим рокотом открылась, и посол в третий раз переступил порог неведомого века. На сей раз он мысленно подготовил себя к совершенно новой эре, но обнаружил, что перемены не столь велики, как он себе представлял.

Землю все так же покрывал хрустальный ковер, все так же сияли в небе шесть солнц. Но впечатление от этого мира было совсем не тем, что он испытал в Эпоху Вестибюля. Прежде всего, хрустальный ковер казался мертвым; он все еще светился из глубины, но свет сделался тусклым, и шаги по нему уже не отдавались чистым звоном и не сопровождались великолепными узорами на поверхности. Четыре из шести солнц потускнели, тусклый красный свет, который они излучали, лишь обозначал их положение, но нисколько не помогал освещать лежащий внизу мир. Самым заметным изменением оказалась пыль, тонким слоем покрывавшая весь хрусталь. Небо не было чистым, его сплошь затягивали серые облака, и горизонт уже не был прямой линией. Все это создавало ощущение, что вестибюль предыдущей эпохи опустел и в него начал вторгаться мир окружающей природы.

– Оба мира отказались принять мигрантов, – сообщил капитан, возглавлявший авангардную группу.

– Оба мира?..

– Видимый и невидимый миры. Видимый – тот, который мы знаем, хотя отнюдь не такой, что нам известен. Это примерно такие же люди, как и мы, хотя большинство из них изначально состоят не из органического вещества.

– На равнине, как и в прошлый раз, никого нет, – отметил посол, напряженно вглядывавшийся вдаль.

– Люди уже несколько сотен лет практически не ходят по земле. Смотрите. – Капитан указал вдаль и вверх, и посол разглядел сквозь пыль и облака неясные летающие объекты, на таком расстоянии казавшиеся лишь скоплением черных точек. – Возможно, это самолеты, а возможно, люди. Любая машина может быть чьим-то телом. Например, корабль в океане – тело, а управляющая им компьютерная память – копия человеческого мозга. У людей обычно есть по несколько тел, одно из которых похоже на наше. И это, хотя и самое хрупкое, считается у них самым важным, возможно, из-за своеобразной ностальгии.

– Нам что, сны снятся? – пробормотал посол.

– По сравнению с видимым миром невидимый все равно что сон.

– Я, кажется, понимаю, что это может представлять собой. Люди даже не заменяют тела машинами, а вовсе обходятся без них.

– Совершенно верно. Невидимый мир существует в суперкомпьютере, и каждый индивидуум – это особая программа для него.

Капитан указал вперед, на одиноко возвышавшуюся на горизонте вершину, сверкающую металлическим синим в свете искусственных солнц.

– Это континент невидимого мира. Помните маленькие чипы квантовой памяти, которые видели в прошлый раз? Эта гора состоит только из них. Не уверен, что вы в состоянии вообразить, какова мощность этого компьютера.

– Но что же представляет собой жизнь внутри машины, где люди – всего лишь набор квантовых импульсов?

– Потому-то человек может делать все, что заблагорассудится, и создавать все, что пожелает. Можно построить империю с населением в сто миллиардов человек и царствовать в ней, или можно крутить тысячу любовных романов, или сражаться в десяти тысячах войн и погибнуть сто тысяч раз. Каждый является полноправным хозяином своего личного мира, где он могущественнее, чем бог. Можно создать даже свою собственную Вселенную с миллиардами

галактик, содержащих миллиарды планет, каждая из которых может быть не похожей на любой другой мир, какой вы пожелаете, или даже такой, какой не рискнете пожелать. И не стоит тревожиться из-за того, что не хватит времени все это испытать. При компьютерных скоростях каждую секунду проходят столетия. Для тех, кто обитает внутри, единственное ограничение – собственное воображение. В невидимом мире воображение и реальность – это одно и то же. Все, что появляется в воображении, становится реальностью. Конечно, как вы сказали, реальность в квантовой памяти – это набор импульсов. Люди этой эпохи постепенно переселяются в невидимый мир, и сейчас их там больше, чем в видимом мире. Копия мозга может находиться в обоих мирах, но невидимый мир подобен наркотику. Никто из испытавших жизнь там не хочет возвращаться обратно. Наш мир с его заботами для них все равно что ад. Невидимый мир одерживает верх и постепенно берет под свой контроль всю реальность.

Словно лунатики в тысячелетнем забытии, они, забыв о времени, смотрели на гору квантовой памяти и вернулись к реальности лишь после того, как истинное Солнце появилось на востоке, как неизменно делало на протяжении миллиардов лет.

– И что же будет дальше? – спросил посол.

– Будучи программой в невидимом мире, легко создать множество копий самого себя, а любые элементы своей личности, которые почему-то не нравятся – например, чрезмерная эмоциональность и ответственность, – можно ликвидировать или изъять про запас, на случай если они когда-нибудь понадобятся. И это еще не все. Можно разделить себя на несколько частей, представляющих различные аспекты вашей личности. Можно объединиться с кем-то еще, чтобы сформировать новое «я» из двух разумов и воспоминаний. Причем слиться можно не с одним, а с несколькими, с десятками, с сотнями людей... Но я лучше остановлюсь – от одного этого перечисления вполне можно спянуть. В невидимом мире в любой момент может случиться все что угодно.

– А потом?

– Тут я могу только предполагать. Самые явные признаки указывают на исчезновение личности; все обитатели невидимого мира сольются в единую программу.

– Ну а после этого?

– Просто не знаю. Это философский вопрос, ну а я после стольких разморозок опасаясь философии.

– А я напротив. Теперь я стал философом. Вы совершенно правы в том, что вопрос философский и искать ответ нужно с философских позиций. Вообще-то задуматься об этом следовало уже давно, но и сейчас еще не поздно. Конечно, философия – это туманная материя, но, по крайней мере для меня, в этом тумане имеется просвет, и на мгновение или, может быть, почти на мгновение, я вижу, куда ведет этот путь.

– Пора завершать наше кочевье, – сказал капитан. – Чем дальше мы поведем, тем труднее будет мигрантам адаптироваться к новым условиям. В крайнем случае можно восстать и начать борьбу за свои права.

– Это невозможно. И в этом нет никакой нужды.

– Вы считаете, что у нас есть иной выбор?

– Конечно есть. Более того, этот выбор столь же очевиден, как солнце, что встает сейчас перед нами. Пригласите, пожалуйста, инженера.

Инженера разморозили вместе с посланцем, и сейчас он осматривал и ремонтировал оборудование. Ему приходилось просыпаться чаще всех, и теперь он из молодого человека превратился в старика. Когда совсем ничего не понимающий капитан привел его, посол спросил:

– Сколько времени проработают наши морозильники?

– Изоляция в отличном состоянии, и термоядерный реактор работает нормально. В Эпоху Вестибюля мы заменили все холодильное оборудование на их технологию и пополнили термо-

ядерное топливо. Все двести морозильных камер без какой-либо замены оборудования или иного технического обслуживания прослужат 12 000 лет.

– Отлично. В таком случае установите на атомном будильнике окончательное назначение. Все вновь укладываются в гиперсон. И чтобы никто не просыпался, пока мы не прибудем в нужное время!

– И точка назначения...

– 11 000 лет от начала пути.

Снова Хуа вошла в распадающееся сознание посла. Она выглядела реальнее, чем когда-либо: ее длинные волосы развеялись на холодном ветру, в больших глазах стояли слезы, и она звала его. Прежде чем погрузиться в пустоту бессознательного состояния, он сказал: «Хуа, мы возвращаемся домой! Мы возвращаемся домой!»

Путь

Во внешнем мире, недоступном для восприятия, падающей звездой неслось по небу Солнце, и скользило мимо время...

...1000 лет... 2000 лет... 3500 лет... 5500 лет... 7000 лет... 9000 лет... 10 000 лет...
11 000 лет.

Остановка 4: Возвращение домой

На сей раз время казалось бесконечным даже в гиперсне. За долгую десятитысячелетнюю ночь, за сто веков ожидания, в сон погрузился даже компьютер, неустанно контролировавший работу двухсот суперфризеров, разбросанных по всему миру. За последнее тысячелетие начали выходить из строя его детали, один за другим закрывались бесчисленные сенсорные глаза, постепенно впадали в паралич нервы интегральных схем, термоядерный реактор почти прекратил выработку энергии, в результате чего несколько последних десятилетий морозильные камеры сохраняли абсолютный холод только благодаря изоляции. Затем температура стала повышаться, быстро достигнув опасного уровня, и жидкий гелий начал испаряться. Давление внутри камер гиперсна резко возросло, и казалось, что все скитальцы, совершившие путь длиной в 11 000 лет, вот-вот погибнут во взрыве, так и не узнав, что с ними произошло. Но затем последняя оставшаяся пара открытых глаз компьютера заметила время на атомных часах, и тиканье последней секунды вынудило его древнюю память послать слабый сигнал, включающий систему пробуждения. Импульс ядерного магнитного резонанса за долю секунды расплавил клеточную жидкость в телах капитана авангардной группы и сотни его подчиненных членов отделения от абсолютного нуля, а затем нагрел ее до нормальной температуры тела. Через день люди вышли из морозильной камеры. Еще через неделю они разбудили посла и всю миграционную комиссию.

Стоило тяжелой двери холодильника чуть-чуть приоткрыться, как внутрь ворвался ветерок. Посол вдохнул наружный воздух; здесь пахло не так, как во время трех предыдущих пробуждений – здесь пахло цветами. Пахло весной, пахло домом. Он практически не сомневался в том, что давным-давно принял верное решение.

Посол и комиссия, приданная ему в помощь, первыми вступили в эпоху своего конечного назначения.

Земля, бесспорно, была землей, хоть ее и нельзя было толком рассмотреть сквозь зеленую траву, которая покрывала ее, насколько хватало глаз. Совсем рядом с дверью холодильника по ложу из россыпи камней изумительных цветов протекал ручей с абсолютно прозрачной водой, в которой лениво плавали непуганые рыбы. Двое молодых людей из авангардной группы прошли босиком по размокшей почве, умыли лица, и ветерок разнес по ближней округе их радостный смех. С голубого неба, по которому плыли снежно-белые облака, смотрело только одно солнце. В зените, не шевеля крыльями, описывал круги орел, а вокруг перекликались птицы помельче. Горизонт снова замыкал поросший густым лесом горный хребет, исчезнувший много тысяч лет назад, в Эпоху Вестибюля...

После предыдущих трех эпох мир, открывшийся перед ним, показался послу довольно безликим, но именно эта безликость вырвала у него горячие рыдания. После странствия длиной в 11 000 лет ему – и всем им – она была позарез нужна, был позарез нужен мир, мягкий и теплый, как гусиный пух, к которому они могли бы приложить свои растерзанные, измученные умы.

На равнине, тянувшейся до самых гор, не было видно и следа человеческой жизни.

Капитан авангардной группы подошел и демонстративно встал перед послом и толпившейся за его спиной комиссией, пытавшимися осознать, что все они пережили судный день человечества.

– Все кончено, – сказал он.

Все совершенно правильно поняли, что он имел в виду. Люди еще довольно долго стояли молча под священным голубым небом на зеленой траве и с деланным спокойствием осознавали реальное положение дел.

– Вы узнали причину? – спросил посол.

Капитан отрицательно покачал головой.

– Природные катаклизмы?

– Нет, природа здесь ни при чем. И войны тоже не было. Вообще никаких причин, которые могли бы прийти на ум...

– Останки?

– Никаких. Вообще ничего не осталось.

Члены комиссии собрались в кружок и принялись наскоро обсуждать обстановку.

– Может быть, признаки переселения в космос?

– Нет. Все ближайшие планеты вернулись к тому состоянию, какое было до их освоения человечеством. И никаких признаков, позволяющих предположить межзвездную миграцию.

– Совсем ничего не осталось? Ни крошки?

– Именно так. Ровным счетом ничего. Горы восстановлены из камня и грунта с океанского дна. Растительность и вообще природа отлично возродились, но никаких следов человеческого труда не видно. Имеются памятники древности, существовавшие хотя бы за век до того, что когда-то называлось «нашей эрой», а вот ничего более нового нет. Экосистемы самостоятельно существуют не менее пяти тысяч лет, а природа сходна с неолитической, хотя и не столь богата видами.

– Как могло случиться, что ничего не осталось?

– Во всяком случае, предшественники определенно не хотели ничего сообщать нам.

И все снова умолкли.

Тишину нарушил капитан.

– Вы ведь предвидели это, верно? – обратился он к послу. – И, несомненно, у вас есть соображения о причинах.

– Мы можем даже точно знать причины, но никогда не поймем их. Их корни лежат глубоко в философской области. Коротко говоря, достигнув высшей точки в своем медитативном бытии, они решили, что самым рациональным выбором будет небытие.

– Я в прошлый раз говорил вам, что боюсь философии.

– Ладно. Давайте тогда временно отбросим философию. – Посол сделал несколько шагов вперед и повернулся к комиссии.

– Мигранты прибыли в пункт назначения. Приступайте к всеобщей разморозке!

Последний мощный энергетический всплеск 200 термоядерных реакторов позволил произвести импульс ЯМР, который разморозил 80 миллионов человек. На следующий день человечество вышло из морозильных камер и расселилось по континентам, которые оставались безлюдными в течение нескольких тысяч лет. На равнине перед морозильной камерой № 1 собрались десятки тысяч людей, перед которыми на большом балконе над входом стоял посол. Ближайшие слушали, что он говорил, и передавали его слова, и они, как круги на воде, расходились все дальше и дальше, до границ толпы.

– Сograждане! Мы намеревались переместиться на 120 лет, но оказались за 11 000 лет от момента старта. Вы сами все видите. Все, кто был до нас, исчезли, и от человечества остались только мы. Они ничего не оставили нам и в то же время оставили всё. Последние несколько дней мы искали хоть какое-нибудь послание от них, хотя бы пару слов, но так ничего и не нашли. Вообще ничего. Может быть, им было нечего сказать? Отнюдь не так! Они все сказали своими деяниями. Голубое небо, зеленая трава, горы и леса, воссозданная природа – вот их прощальное послание нам. Посмотрите на зеленеющую землю – это наша мать. Источник нашей силы! Основа нашего существования и место вечного упокоения! Человечеству предстоит еще много ошибаться, предстоит одолевать пустыни невзгод и отчаяния, но если мы не порвем корни, связывающие нас с матерью-землей, то не исчезнем подобно им. Какими бы ни были трудности, жизнь и человечество все преодолеют. Сograждане, теперь это наш мир, и мы

вступаем в новый круг человеческого бытия. Мы начинаем, не имея ничего, если не считать всего наследия человечества.

Посол вскинул над головой руку, держа двумя пальцами квантовый чип из Эпохи Вестибюля, содержащий в себе полный свод человеческих знаний. И вдруг он осекся и уставился на крошечную черную точку, быстро пробирающуюся сквозь толпу. Когда она приблизилась, он разглядел черные волосы, которые видел бесчисленное количество раз в своих снах, и глаза, которые, как он считал, превратились в прах сто веков назад. Хуа не осталась в прошлом 11 000 лет назад, она все же пошла за ним и пересекла бесконечную пустыню времени по его следу. Когда они обнялись, небо, земля и человек стали единым целым.

– Да здравствует новая жизнь! – выкрикнул кто-то.

– Да здравствует новая жизнь! – раскатилось по просторной равнине. Над головами людей, весело распевая, кружились стаи птиц.

И конец всего стал началом.

1 апреля 2018 года

Первая публикация под названием «2018-04-01» в журнале «Esquire China», Пекин, 2009 г.

И сегодня я опять не могу принять решение. Уже пару месяцев я еле волочу ноги, как будто бреду через болото по густому слежавшемуся илу. Я чувствую, что моя жизнь проходит в десятки раз быстрее, чем раньше, где «раньше» – это до того как я придумал план, до того как Генетическое продление стало коммерческим предприятием.

Я смотрю вдаль из окна верхнего этажа офисного здания. Город расстилается подо мной, как кремниевая матрица, и я не более чем один из электронов, бегущих по его плотно уложенным дорожкам нанометровой ширины. Я действительно ничего особенного собой не представляю. Решения, которые я принимаю, не имеют большого значения. Как бы мне решиться... Но и сегодня, как и много раз раньше, решиться мне не удастся. Колебания продолжаются.

Адрон снова приходит с опозданием; вместе с ним в офис врывается порыв ветра. На лице у него синяк. На лбу повязка, но он, кажется, полностью владеет собой. Голову он держит высоко, как будто демонстрирует медаль. Его стол напротив моего. Он садится, включает компьютер, затем пристально смотрит на меня, явно ожидая от меня вопроса. Однако меня не интересует, что с ним случилось.

– Ты смотрел телевизор этой ночью? – взволнованно спрашивает Адрон.

Он явно имеет в виду нападение «Справедливой жизни» на больницу в центре города, где находится крупнейший в стране Центр генетического продления. Два длинных черных шрама от копоти уродуют белоснежный фасад больницы, как будто по ухоженному, гладкому, как нефрит, личику красавицы мазнули испачканными сажей пальцами. Устрашающий вид. «Справедливая жизнь» – самая многочисленная и притом самая экстремистская из многих групп, выступающих против генетического продления. Адрон состоит в ней, но по телевизору я его не разглядел. Толпа у больницы бурлила, как океанский прилив.

– У нас только что прошло общее собрание. Ты же знаешь политику компании. Нет, конечно, ты можешь продолжать в том же духе, но потом не удивляйся, что будет не на что еды купить, – говорю я.

Генетическое продление – это разговорное сокращение названия «Технология продления жизни путем преобразования генов». Удалив те сегменты генов, которые отвечают за биологические часы, управляющие старением, среднюю продолжительность человеческой жизни можно продлить до 300 лет. Эта технология начала коммерциализироваться пять лет назад. Поскольку дело очень дорогое, то программа стала источником социального возмущения, охватившего все нации и государства мира. В здешних краях генетическое продление для одного человека стоит столько же, сколько особняк. Очень мало кто может себе позволить такое.

– Плевать, – говорит Адрон. – Мне не прожить и сотни лет. И чего же я буду переживать из-за этого?

Он закуривает сигарету. Курение в офисе строго запрещено. Он ведет себя так, будто хочет показать, как мало его это волнует.

– Завидуешь. Зависть опасна для здоровья. – Я отмахиваюсь от дыма, который лезет в глаза. – В прошлом тоже очень много людей умирало, не дожив даже до старости, потому что у них не было денег на медицинское обслуживание.

– Это не одно и то же. Медицинское обслуживание может позволить себе практически любой. Но теперь девяносто девять процентов беспомощно смотрят на один процент, который забрал себе все деньги и благодаря этому доживет до трехсот. Я не боюсь признаться, что зави-

дую. Именно зависть делает общество справедливым. – Он наклоняется ко мне из-за стола. – Ты так уверен, что не завидуешь? Присоединяйся к нам.

От пристального взгляда Адрона меня пробирает дрожь. На мгновение мне кажется, что он видит меня насквозь. Да, я хочу стать одним из тех, кому он завидует. Я хочу генетически продлить свою жизнь.

На самом деле денег у меня не так уж много. Мне за тридцать, но я пока ничего не добился в жизни. И работаю до сих пор на весьма низовой должности. Зато в финансовом отделе. Масса возможностей для хищения средств. Много лет я готовился и планировал, и теперь все на мази. Осталось щелкнуть мышкой – и пять миллионов, которые нужны мне для генетического продления, поступят на мой секретный банковский счет. Оттуда они будут переведены на счет Центра генетического продления. Как-никак это моя специальность. Я установил в лабиринте финансовой системы многослойный камуфляж. Пропажа денег обнаружится самое раннее через полгода. После этого меня уволят с работы, отдадут под суд, который лишит меня всего, что имею, я буду страдать от неодобрительных взглядов бесчисленного множества людей...

Но к тому времени я получу возможность прожить триста лет.

И все же я продолжаю сомневаться.

Я тщательно изучил законы. Хищение наказывается штрафом в пять миллионов юаней и лишением свободы не более чем на двадцать лет. А через двадцать лет у меня все равно останется впереди двести с лишним лет полноценной жизни. Ну, и поскольку арифметика настолько проста, остается вопрос: неужели никто, кроме меня, не догадается провернуть подобное? Вообще-то для того чтобы попасть в число генетически продленных, можно пойти на любое преступление, за исключением тех, что караются смертной казнью. Итак, много ли таких, как я, – которые подготовились к этой процедуре, но все еще колеблются? Как подумаю об этом, хочется начать прямо сейчас, но в то же время непроизвольно содрогаюсь.

Главная причина моего колебания – Цзянь Цзянь. И она вовсе не связана с вопросом «зачем?». До встречи с Цзянь Цзянь я не верил, что в мире есть любовь. После встречи с нею я не верю, что в мире есть что-то, кроме любви. Если я оставлю ее, какой смысл будет жить хоть две тысячи лет? На одной чаше весов жизни лежат два с половиной столетия жизни, на другой – боль от расставания с Цзянь Цзянь. И они практически уравнивают друг друга.

Начальник отдела созывает совещание. По выражению его лица я могу догадаться, что оно посвящено не планированию работы. Скорее речь пойдет о каком-то определенном человеке. Конечно же, шеф начинает с того, что сегодня хочет поговорить о недопустимом поведении некоторых сотрудников. Я не смотрю на Адрона, но знаю, что его ждут неприятности. Шеф, однако, называет другое имя.

– Лю Вэй, согласно достоверным источникам, вы записались в «ИТ-республику»?

Лю Вэй кивает с выражением несломленной решимости, какое было у Людовика XVI, идущего к гильотине.

– Это не имеет никакого отношения к работе. И вовсе незачем противопоставлять работу моим личным свободам.

Шеф сурово покачал головой и ткнул пальцем в его сторону.

– В мире найдется очень мало такого, что не было бы связано с работой. Не стоит переносить свои юношеские идеалы, уместные для студента колледжа, на рабочее место. Если страна может позволить во всеулышание осуждать своего президента прямо на центральной улице, это называется демократией. А вот если все перестанут слушаться своих начальников, то страна определенно рухнет.

– Виртуальная нация вот-вот будет признана.

– Признана? Кем? Организацией Объединенных Наций? Или мировыми державами? Пустые фантазии!

Произнося последнюю фразу, шеф кривил душой. Территория, подвластная человечеству, разделена на две части. Одна часть – это континенты и острова планеты Земля. Другая часть – киберпространство. Эволюция последнего повторяет историю человечества, только идет в сто раз быстрее. Каменный век с его разобщенностью прошел в киберпространстве за несколько десятков лет, после чего сами собой возникли нации. Виртуальные нации формировались на двух основах. Первая – всевозможные системы электронных досок объявлений, собранные воедино. Вторая – массовые многопользовательские онлайн-игры. Виртуальные нации сходны устройством с традиционными – у них также имеются главы государств и законодательные органы. У них даже есть онлайн-вооруженные силы. А вот границы и гражданство у них определяются по-другому. Основными организующими принципами виртуальных наций являются убеждения, добродетели и профессии. Граждане каждой виртуальной нации разбросаны по всему миру. Виртуальные нации с общим населением более двух миллиардов человек создали виртуальную Организацию Объединенных Наций, сопоставимую с реальной. Это огромное политическое образование, которое пересекается с традиционными нациями.

IT-республика – это сверхдержава в виртуальном мире. Ее население, уже перевалившее за восемьдесят миллионов человек и продолжающее быстро расти, состоит в основном из IT-специалистов, а сама страна обладает огромным силовым потенциалом в противостоянии реальному миру и предъявляет к нему агрессивные политические требования. Я не знаю, какое гражданство у Лю Вэя. Говорят, что глава IT-республики – обычный сотрудник какой-то IT-компании. И наоборот, уже не одного главу реальной нации разоблачили как обычного гражданина нации виртуальной.

Шеф делает всем строгое предупреждение: никому не допустимо иметь второе гражданство. Он спокойно позволяет Лю Вэю пройти в кабинет президента и на этом заканчивает собрание. Но мы не успели встать с мест, как Чжэн Лили, которая, как всегда, слушала, не сводя глаз с экрана своего компьютера, издает оглушительный вопль. Случилось что-то ужасное. Все кидаются смотреть новости.

Я, даже не дойдя до стола, тоже прерываю обычную работу компьютера и переключаю его на новостной канал. Диктор программы новостей в ступоре. Он объявляет, что Организация Объединенных Наций проголосовала против резолюции 3617, то есть отвергла запрос IT-республики о дипломатическом признании, который перед этим поддержал Совет Безопасности. В ответ IT-республика объявила войну реальному миру и полчаса назад начала атаку на мировые финансовые системы.

Я смотрю на Лю Вэя. Похоже, это его тоже удивило.

Картинка меняется на изображение большого города с высоты птичьего полета: улицы с высокими зданиями и транспортные пробки на них. Люди по одному выскакивают из машин, цепочками высыпают из зданий и обнимаются. То, что нам показывают, похоже на последствия сильного землетрясения. В кадре появляется большой супермаркет. Толпа наплывает, как прилив. Обезумев, люди хватают банки и пакеты с едой. Стеллажи трясутся, шатаются и падают, увлекая соседние, как песчаные отмели, разбитые приливной волной...

– Что происходит? – спрашиваю я в ужасе.

– Ты все еще не понял?! – кричит Чжэн Лили. – Больше нет ни богатых, ни бедных. Все остались без гроша. Теперь только воруй или помирай с голоду!!!

Конечно, я понимаю, но не смею поверить, что кошмар сделался реальностью. Монеты и бумажные деньги перестали циркулировать три года назад. Даже для покупки пачки сигарет в киоске на уличном тротуаре требуется устройство для считывания карт. Что такое богатство в наш тотально информационный век? В конечном счете это не более чем цепочки импульсов и магнитных меток внутри компьютерной памяти. Что касается этого грандиозного офисного здания, то, если удалить электронные записи в соответствующих отделах, даже если компания имеет право собственности, никто того права не признает. Что такое деньги? Деньги ни хрена

не стоят. Деньги – это всего лишь цепочка электромагнитных меток, даже мельче бактерий, и импульсов, которые могут бесследно исчезнуть в мгновение ока. Что касается IT-республики, то ее граждане – почти половина IT-работников в реальном мире. Так что технически стереть эти метки чрезвычайно просто.

Программисты, сетевые инженеры и администраторы баз данных из основного подразделения IT-республики. Они представляют собой новую инкарнацию промышленной армии XIX века в XXI веке с той лишь разницей, что физический труд с тех пор сменился умственным, который делается все изощреннее и сложнее. Они работают с кодом, расплывчатым, как густой туман, с невероятно сложным сетевым оборудованием и запутанным программным обеспечением. Подобно докерам двухсотлетней давности, они несут на своих спинах тяжелый груз. Они, как проститутки, спешат максимально использовать ночное время, чтобы вовремя выполнить свои задания.

Информационные технологии развиваются семимильными шагами. И у каждого, за исключением тех, кому посчастливилось подняться на руководящую должность, знания и навыки быстро устаревают. Свежеиспеченные аййтишники сыплются из университетов, как голодные термиты. Стариков (они на самом деле вовсе не старые, в основном лет тридцати с небольшим) вытесняют на обочину, заменяют и бросают на произвол судьбы. Новичкам, однако, не стоит обольщаться насчет своего будущего. Подавляющее большинство из них не имеют никаких долгосрочных перспектив... Этот класс получил новое название: технологический пролетариат.

Не говорите, что мы ничем не владеем. Мы близки к тому, чтобы переформатировать мир! Интернационал в новой, извращенной, форме.

Мысль поражает меня, как молния. О, нет. Мои деньги, те, что еще не принадлежат мне, но купят мне более двухсот лет жизни, – неужели их тоже уничтожат? Но разве результат не будет таким же, если все переформатируют? Мои деньги, мое генетическое продление, мои мечты... У меня темнеет перед глазами. Я мечусь по офису, как обезглавленная курица.

Чжэн Лили раздражается диким хохотом, и я остаиваюсь. Она продолжает хохотать, скрючившись, упершись руками в колени, совсем рядом со мной.

– С Днем дурака! Первое апреля! – говорит рассудительный Лю Вэй, бросая взгляд на сетевой коммутатор в углу офиса.

Офисная сеть не подключена к внешнему миру. Ноутбук Чжэн Лили стоит рядом с коммутатором, выступая в качестве сервера. Ах ты, сука! Должно быть, ей пришлось немало потрудиться, чтобы разыграть эту первоапрельскую шутку, прежде всего отыскать эпизоды из новостей и смонтировать их. Впрочем, сляпать эти кадры мог бы и любой из штатных специалистов, успешно прикидывающихся серьезными людьми, с помощью 3D-моделирования. Это не так уж трудно.

Вроде бы никому больше шутка Чжэн Лили не показалась чересчур дерзкой. Адрон снова смотрит на меня с тем же выражением, что и раньше: «Ой, да ладно! Если все сделать правильно, у них волосы дыбом встанут. Чего тут бояться?» Он указывает пальцем вверх, подразумевая высшее начальство.

Я покрываюсь холодным потом и снова задаюсь вопросом: неужели он и впрямь видит меня насквозь? Однако сильнее всего меня пугает не это.

Действительно ли переформатирование мира – просто безумный бред экстремистов IT-республики? Действительно ли то, что нам только что показали по телевизору, всего лишь первоапрельская шутка? Долго ли еще выдержит волосок, на котором висит меч?

И словно вспыхивает яркий свет, разгоняющий тьму. Мои сомнения исчезают. Я принимаю решение.

Я прошу Цзянь Цзянь встретиться со мной сегодня вечером. Когда я вижу ее на фоне моря городских уличных фонарей, мое ожесточенное сердце снова смягчается. Она кажется

нежной, как пламя свечи, которое может погаснуть от малейшего дуновения ветерка. Нет, я не в состоянии причинить ей боль! Когда она подходит ближе и я вижу ее глаза, чаша весов в моем сердце уже полностью склонилась в другую сторону. Зачем мне вообще эти двести с лишним лет – без нее? И разве можно верить банальной фразе, что, дескать, время лечит все раны? Будущее вполне может оказаться просто двумя столетиями непрерывного страдания. Меня, в сущности, чрезвычайно эгоистичного человека, любовь возносит на поднебесные высоты.

Однако Цзянь Цзянь заговаривает первой. Неожиданно я слышу от нее именно то, что приготовился ей сказать, слово в слово:

– Знаешь, я давно уже собиралась сказать тебе, но никак не могла решиться. Я думаю, нам следует расстаться.

– Почему? – спрашиваю я, совершенно ошарашенный.

– Пройдет много времени, а я все еще буду молода. А ты постареешь.

Я долго не могу понять, что же она имеет в виду. Но потом до меня доходит, что на самом деле означало выражение ее лица, разбившее мне сердце. Я-то было решил, что она видит меня насквозь или догадывается, что я собираюсь сделать. Меня раздражает смех. Сначала я сдерживаюсь, но он все же прорывается, и я уже хохочу в голос, запрокинув голову. Какой же я идиот! Я совершенно не думал о том, в какую эпоху мы живем и какие соблазны она раскрывает перед нами. Отсмеявшись, я чувствую облегчение. Даже тело ничего не весит, и меня может унести ветерком. И при этом я искренне рад за Цзянь Цзянь.

– Откуда у тебя столько денег? – спрашиваю я.

– Мне только-только одной хватит, – чуть слышно отвечает она и отводит глаза от моего взгляда.

– Я понимаю. Да это и неважно. Я имею в виду, что ведь и для одной тоже обойдется очень дорого.

– Папа немного подкинул. Ста лет вполне достаточно. Я и сама немного сэкономила. К тому времени должны набежать большие проценты.

Я ошибся в своих предположениях. Она не генетическое продление затеяла. Она хочет залечь в спячку. Так называют в просторечии гибернацию – еще одно из достижений биологии, недавно пущенное в коммерческий оборот. При температуре около пятидесяти градусов ниже нуля специальные химические препараты и система искусственного кровообращения снижают метаболизм до одного процента от нормы. Тот, кто впадает в спячку на сто лет, состарится только на один год.

– Жизнь слишком утомительна и скучна. Я просто хочу сбежать, – говорит Цзянь Цзянь.

– Но удастся ли тебе снова сбежать через сто лет? К тому времени все твои научные заслуги будут никому не нужны. Придется приспособливаться к совершенно новому обществу. Как ты думаешь – справишься?

– Со временем все меняется к лучшему. Если уж мне не удастся сразу снова впасть в спячку, можно будет заняться генетическим продлением жизни. К тому времени цены на него должны стать общедоступными.

На этом наш разговор с Цзянь Цзянь завершается, и мы расходимся в разные стороны. Возможно, через сто лет мы сможем встретиться снова, но я ничего ей не обещал. К тому времени она будет такой же, как сейчас, ну а мне будет уже более ста тридцати лет, и я неизбежно изменюсь.

С ее уходом мои колебания заканчиваются. Я достаю мобильный телефон, вхожу в систему онлайн-банкинга и немедленно перевожу пять миллионов на банковский счет Центра генетического продления. Время уже близится к полуночи, но, несмотря на поздний час, мне сразу же звонит директор Центра. Он говорит, что процедуры по улучшению моих генов могут начаться завтра. Если все пойдет благополучно, все закончится через неделю. Он по собствен-

ной инициативе подтверждает обязательство Центра хранить тайну. Когда все это только началось, личности новоявленных долгожителей не скрывали, и уже трое из них убиты.

– Вы не раскаетесь в своем решении, – говорит директор. – Ведь вы же получите не только два с лишним столетия жизни, но, может быть, и целую вечность.

Я понимаю, что он имеет в виду. Кто знает, какие технологии могут появиться через два века? Возможно, к тому времени научатся копировать сознание и память, создавать постоянные резервные копии, которые можно будет при желании вложить в новое тело. Возможно, мы научимся и вовсе обходиться без тел. Наши сознания будут, как боги, перемещаться по сети и познавать мир и Вселенную через бесчисленные сенсоры. Это действительно вечная жизнь.

Директор продолжает:

– Поистине, имея время, имеешь все. Будь у обезьяны достаточно времени, она, произвольно нажимающая клавиши пишущей машинки, сможет напечатать полное собрание сочинений Шекспира. И как раз временем вы располагаете.

– Я? Не мы?

– Я не проходил генетического продления.

– Почему?

Следует продолжительная пауза, потом он говорит:

– Мир меняется слишком быстро. Слишком много возможностей, слишком много соблазнов, слишком много желаний, слишком много опасностей. У меня голова идет кругом при мыслях об этом. Когда все сказано и сделано, ты все тот же, каким был. Но не волнуйтесь. – И он слово в слово повторяет то, что недавно сказала Цзянь Цзянь: – Со временем все меняется к лучшему.

Сейчас я сижу в своей тесной квартирке и делаю запись в дневнике. Никогда прежде я не вел дневников. Но теперь я буду вести, потому что необходимо что-то оставить после себя. Время тоже позволяет любому лишиться всего, что имел. Я знаю. Я – не просто долгожитель. Тот человек, которым я стану через два века, наверняка будет совсем чужим. На самом деле, если хорошенько подумать, то, что я представлял себе сначала, очень сомнительно. Союз моего тела, памяти и сознания постоянно меняется. Я до расставания с Цзянь Цзянь, я до того как заплатил украденные деньги, я до разговора с директором, даже тот я, что был перед тем как напечатал «даже», – все они уже разные люди. И от осознания этого мне становится легче.

Но я должен что-то оставить после себя.

В темном небе за окном предрассветные звезды источают свой последний бледный свет. В городе, залитом ярким морем уличных фонарей, звезды кажутся тусклыми. Я могу просто сделать вид, будто не замечаю их. Однако они являются символом вечности. Нынче ночью я не имею понятия о том, сколько существует таких, как я, сколько людей насчитывается в новом поколении, отправляющемся в путешествие. Хорошо ли, плохо ли, но мы будем первым поколением, которое по-настоящему прикоснется к вечности.

Пылающие недра

Первая публикация под названием ## в «Science Fiction World», Чэнду, 2000 г.

Жизнь отца подошла к самому концу. Он даже дышал с большим трудом, тратя на каждый вздох больше усилий, чем мы – ворочая стокилограммовые стойки крепи в шахте. Лицо его сделалось совсем белым, глаза выпучились, а губы посинели от недостатка кислорода. Казалось, будто вокруг его шеи медленно затягивалась невидимая веревка, сводя все немудрящие надежды и мечты его тяжелой жизни к всепоглощающей жажде воздуха. Но легкие отца, как и у всех шахтеров с третьей стадией силикоза, представляли собой клубок пыльных черных кусков ретикулярных волокон, которые больше не могли передавать в кровоток кислород из вдыхаемого воздуха. Отец двадцать пять лет работал в шахте и все время понемногу вдыхал угольную пыль, собирающуюся в эти сгустки, – крошечную часть того угля, что он добыл за свою жизнь.

Лю Синь стоял на коленях перед кроватью; его сердце разрывалось от этих тяжелых хрипов. Вдруг он уловил в хрипе какой-то иной отзвук и понял, что отец пытается говорить.

– Что, папа? Что ты хочешь сказать?

Взгляд отца уперся ему в лицо. Хрип со странным отзвуком прозвучал снова; на сей раз с ббольшим усилием.

Лю Синь повторил свои вопросы, совсем уже срываясь на истерику.

Отец не попытался еще раз что-то сказать. Его надрывное дыхание сменилось тихим шелестом и почти сразу же прекратилось совсем. Мертвые глаза так же пристально смотрели на Лю Синя, будто требовали, чтобы он как угодно, но понял последние слова отца.

Лю Синь оцепенел. Он не видел, как мать по другую сторону кровати сползла на пол, лишившись чувств, не видел, как медсестра снимала носовые канюли, до последней секунды подававшие отцу живительный кислород. У него в мозгу гулким эхом отдавался все тот же невнятный хрип, каждый звук отпечатался в памяти, словно прорезанный резцом на шаблоне грампластинки. Несколько следующих месяцев он пребывал в трансе: отцовский хрип изо дня в день звучал в его сознании, терзая его, и в конце концов он и сам начал задыхаться. Чтобы вдохнуть воздух для поддержания своего существования, ему приходилось мысленно представлять весь этот процесс. А потом мать, сама давно страдавшая от продолжительной болезни, сказала ему: «Ты уже большой. Пора помогать семье. Бросай школу и иди в шахту, на отцовское место». Он без лишних слов взял отцовский «тормозок» с обедом и зимним утром 1979 года отправился на работу, в шахту № 2, где еще недавно трудился отец. Черный зев колодца пялился на него, словно глаз, зрачок которого состоял из множества уходивших далеко в глубину и сливающихся в одно пятно взрывобезопасных фонарей. Это был отцовский глаз. Все тот же хрип с особой настойчивостью прозвучал в его голове, и на сей раз он сумел разобрать последние слова отца:

– Не лезь в яму...

Двадцать лет спустя

Лю Синю подумалось, что его «Мерседес» здесь не очень-то уместен. Слишком уж бросается в глаза. В округе выросло несколько высоких зданий, вдоль шоссе тянулись гостиницы и магазины, но на шахте все было уныло-серым.

На площади перед шахтоуправлением он увидел толпу народа. Пробираясь среди людей в робах и дешевых футболках, он ощущал, что его дорогое одеяние и туфли в тон к нему еще неуместнее, чем машина. Собравшиеся молча провожали его взглядами, и у него мурашки бежали по коже под столькими взглядами, словно пронзающими насквозь двухсотдолларовый костюм известной фирмы.

За дверью ему сразу же попался навстречу Ли Миньшэн. Когда-то они учились в одном классе, а теперь он работал старшим инженером в геологоуправлении. Он был таким же тощим, как и в школьные годы, но теперь постоянная озабоченность избороздила его лицо морщинами, и казалось, что пачка бумаг, которую он нес под мышкой, невероятно тяжела.

Они поздоровались, и Ли Миньшэн сразу перешел к делу:

– Шахта целую вечность не платит зарплату. Рабочие бастуют. – Он указал на собравшуюся толпу и, как и шахтеры, окинул Лю Синя заинтересованным взглядом.

– Здесь были хоть какие-то усовершенствования после того, как компания «Дацинь» отменила паровозы и добычу угля ограничила на два месяца?

– Кое-что делали, но потом все опять поворачивалось к худшему. Честно говоря, я не верю, что этой отрасли хоть что-то способно принести пользу. – Ли Миньшэн тяжело вздохнул и повернулся, чтобы уйти, словно что-то в этом кратком обмене репликами напомнило ему о неотложном деле. Но Лю Синь остановил его.

– Можно тебя попросить о помощи?

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

– Еще тогда, в первой школе, ты постоянно голодал, но так и не взял ни одного талончика на питание, которые мы пихали тебе в ранец. Ну а нынче ты нуждаешься в помощи, наверное, меньше всех на свете.

– Нет, помощь мне действительно нужна. Ты не мог бы подобрать для меня угольный пласт? Совсем крохотный. Где-нибудь на три десятка тысяч тонн, не больше. И самое главное, он должен быть изолированным. Чем меньше контактов с другими пластами, тем лучше.

– Ну... это можно.

– Мне нужны материалы по пласту и геологии окружающей структуры. Чем детальнее, тем лучше.

– Это я тоже могу.

– Тогда поговорим после обеда, ладно? – предложил Лю Синь. Ли Миньшэн отвернулся, но Лю Синь снова остановил его. – Ты не хочешь узнать, что я задумал?

– Меня, как и всех остальных, волнует только одно: как выжить? – Он резко кивнул на дверь, где собрались рабочие, и зашагал прочь.

Поднимаясь по истоптанным ступеням, Лю Синь смотрел на высокие стены, на которых ввевшаяся за много лет угольная пыль создала узоры, похожие на облака и горы. Большая картина «Председатель Мао на пути в Аньюань» висела на прежнем месте, и холст был относительно чистым, зато почерневшая рама выдавала возраст произведения. Почувствовав на себе пристальный взгляд нарисованного вождя, Лю Синь после более чем двадцатилетнего отсутствия наконец-то почувствовал себя дома.

Кабинет директора на втором этаже находился там же, где был двадцать лет назад. За прошедшее время дверь обили дерматинном, но и он успел растрескаться. Лю Синь толкнул дверь и вошел. Директор взглянул на дверь, подняв поседевшую голову от расстеленного на

столе большого чертежа-синьки. Присмотревшись, Лю Синь понял, что это схема подземных выработок. О горняках, собравшихся перед управлением, директор, похоже, вовсе не думал.

– Это вы руководите этим министерским проектом?⁷ – спросил директор, мельком взглянув на вошедшего и тут же вернувшись к чертежу.

– Да. И проект этот долгосрочный.

– Понимаю. Мы сделаем все, что в наших силах. Но вы же знаете наше нынешнее положение? – Директор снова поднял голову и протянул руку. На его лице Лю Синь увидел ту же усталость, что и у Ли Миньшэна, а пожав руку директору, он почувствовал, что два пальца на ней скрючены – память о давнишней аварии в забое.

– Обратитесь к моему заместителю Чжану – он у нас занимается всей наукой – и к главному инженеру Чжао. А у меня, простите, времени нет. Побеседуем, когда вы получите результаты. – Директор снова склонился к свисавшей со стола синьке.

– Вы знали моего отца. Вы были механиком в его бригаде, – сказал Лю Синь, добавив отцовское имя.

Директор кивнул.

– Твой отец был отличным рабочим. И бригадиром замечательным. – После того как Лю Синь упомянул отца, директор невольно сменил тон и разговаривал с ним теперь не как с чиновником «сверху», а как старший с младшим.

– Что вы думаете об угледобывающей промышленности? – спросил напрямик Лю Синь, чувствуя, что завладеть вниманием этого усталого занятого человека можно, только перейдя прямо к сути дела.

– О чем именно? – спросил директор, не поднимая головы.

– Угледобыча – традиционная и отсталая отрасль, находящаяся в неизбежном упадке. Она очень трудоемка, в ней жуткие условия труда, но низкая производительность. К тому же она отвлекает на себя массу транспорта... В Великобритании на ней держалась вся экономика, но десять лет назад там закрыли последнюю шахту!

– Мы не можем закрыться, – проговорил директор, не поднимая головы.

– Совершенно верно. Но мы можем измениться! Полностью изменить технологию добычи! В ином случае мы никогда не преодолеем всех этих трудностей, – сказал Лю Синь. Быстро шагнув к окну, он указал наружу. – Шахтеры... миллионы и миллионы шахтеров, не имеющих никакого шанса в корне изменить свой образ жизни. Я приехал...

– Ты бывал внизу? – перебил его директор.

– Нет, – признался Лю Синь и добавил, чуть помолчав: – Отец перед смертью запретил.

– А ты и рад стараться, – язвительно констатировал директор, снова склонившись к чертежу. Выражение его лица оставалось непроницаемым, но Лю Синь опять почувствовал те же самые мурашки. Ему сделалось жарко. В это время года в костюме с галстуком можно было находиться только в помещении с кондиционированным воздухом, а здесь кондиционера не было.

– Послушайте! У меня была цель. Та самая мечта, с которой умер мой отец. Чтобы достичь ее, я поступил в колледж, потом, за океаном, получил докторскую степень... Я намерен в корне преобразовать угледобычу. Дать шахтерам возможность жить по-новому.

– Попроще, пожалуйста. У меня нет времени. – Директор ткнул рукой, указывая Лю Синю за спину, но он так и не понял, что имелось в виду – толпившиеся внизу рабочие или что-то еще.

– Я постараюсь говорить попроще. И как можно короче. Что из себя представляет нынешняя угольная энергетика? Уголь добывают в крайне тяжелых условиях, перевозят в место

⁷ Министерство угольной промышленности Китая было упразднено в 1998 г. Часть его функций была передана Государственному управлению угольной промышленности.

потребления, а там пропускают через газогенератор и получают коксовый газ, или на электростанции, где его измельчают и сжигают...

– Ближе к делу.

– Моя идея в том, чтобы превратить шахту в огромный газогенератор. Превращать уголь в коксовый газ прямо под землей, в пласте, а потом, применяя методы добычи нефти или природного газа, извлекать горючий газ и доставлять его в места назначения по трубопроводам. Он годится для топок электростанций – ведь они главные потребители угля. Шахты можно будет закрывать, и угольная промышленность станет совершенно новой, современной отраслью, не имеющей никакого сходства с нынешней!

– Ты считаешь, что открыл что-то новое?

Лю Синь вовсе так не считал. Он знал также, что директор шахтоуправления, в 1960-х годах в Горном институте считавшийся очень многообещающим студентом и являющийся сейчас одним из верховных авторитетов всей страны в области угледобычи, никак не мог увидеть новаторства в том, что он сейчас говорил. Директор, естественно, знал, что технологию подземной газификации угля применяют и совершенствуют уже несколько десятков лет, и за это время бесчисленные лаборатории, в том числе принадлежавшие транснациональным компаниям, разработали и испытали множество катализаторов газификации. Но на протяжении почти всего века этот метод оставался лишь мечтой, и причина тому была проста: катализаторы оказывались намного дороже того газа, который добывался с их помощью.

– Кое-что. Я смогу осуществлять подземную газификацию угля без катализатора!

– И каким же образом? – спросил директор, отодвинув наконец синьку чертежа и, похоже, решив послушать, что он скажет дальше. Это уже было немалым достижением.

– Поджечь уголь.

Директор, не сводя глаз с Лю Синя, достал сигарету, молча закурил, а потом жестом предложил продолжать. Но у Лю Синя вдруг пропал энтузиазм. Он понял, что интерес директора вызван одной простой причиной – после многодневного непрерывного напряжения ему выпала минутка, когда можно было немного отвлечься. Бесплатно посмотреть клоунское представление. Но Лю Синь упрямо продолжал:

– Для извлечения газа на поверхности земли проделывается с помощью стандартного бурового оборудования несколько скважин. Они служат сразу для нескольких целей. Во-первых, через них в пласт подается множество датчиков. Во-вторых, через них поджигается подземный уголь. В-третьих, через них в пласт подается вода или пар. В-четвертых, туда же подается воздух, обеспечивающий горение. И в-пятых, отводится полученный газ.

Когда уголь загорается и вступает в контакт с паром, происходит следующая реакция: из углерода при взаимодействии с водой выделяются угарный газ, газообразный водород и углекислый газ. Затем некоторая часть углекислого газа, как известно, восстанавливается на раскаленной угольной поверхности до того же угарного газа, который во взаимодействии с водой превращается в углекислый газ и водород. В конечном результате получается горючий газ, сходный с водяным генераторным газом, горючая составляющая которого содержит пятьдесят процентов водорода и тридцать процентов окиси углерода. Это и есть, собственно, тот газ, который нам нужен.

Датчики ультразвуковыми сигналами передают на поверхность информацию о ходе горения и образовании горючего газа в любой точке пласта. По этим данным компьютер строит модель газогенерации в пласте, по которой мы через скважины контролируем ход процесса, следим за величиной очага горения и его силой. В частности, можно усиливать подачу воды через одни скважины, чтобы ослабить горение, или, напротив, подавать больше воздуха, чтобы интенсифицировать его. Все это делается автоматически, в соответствии с динамикой компьютерной модели, так что процесс постоянно оптимизируется неполным сгоранием угля в водяном пару для обеспечения максимальной производительности. Конечно, вас прежде всего

заинтересует контроль за интенсивностью горения. Для этого можно просверлить ряд скважин в намеченном направлении его продвижения и подавать туда воду под давлением, чтобы сформировать противопожарный барьер. Если же уголь разгорится слишком сильно, для его блокировки предусмотрено цементирование под давлением; эта технология используется при строительстве плотин.

За окном послышался какой-то шум, и директор отвлекся. Лю Синь отлично знал, что его рассказ и тем более то, что старый шахтер представляет себе, слушая его, сильно расходятся с его мечтой. Директор сразу недвусмысленно сказал, что понятие подземной газификации ему хорошо знакомо; более того, угольные залежи в последнее время поджигали по всему миру. Несколько таких участков имелось и в Китае. Год назад Лю Синь впервые увидел подземный огонь в Синьцзяне. Нигде, сколько видит глаз, ни травинки – ни в долине, ни на холмах, насыщенный серой воздух набегаёт горячими волнами, и перед глазами мутится, будто находишься под водой или словно весь окружающий мир поджаривают на вертеле. Ночью Лю Синь видел призрачные полосы багрового света, пробивавшегося через бесчисленные трещины в земле. Он подкрался вплотную, заглянул в одну из них, и у него перехватило горло от изумления. Перед ним будто разверзся вход в ад. Слабый свет пробивался откуда-то из самых дальних глубин, но этот жуткий жар явственно ощущался и здесь, наверху. Глядя на эти светящиеся полоски, извивающиеся под ночным небом, он ощущал Землю горящим куском янтаря, завернутым в тонкую кору. Айгул, смуглый коренастый уйгур, сопровождавший его, возглавлял единственную в Китае пожарную бригаду по тушению угольных пластов, и Лю Синь специально приехал туда, чтобы попытаться заманить Айгула в свою лабораторию.

– Вырваться отсюда мне будет непросто, – с сильным акцентом сказал Айгул. – Я ведь вырос, глядя на этот огонь, так что для меня он такая же неотъемлемая часть мира, как солнце или звезды.

– То есть этому огню столько же лет, сколько тебе?

– Нет, доктор Лю. Этот огонь горит с начала эпохи Цин⁸.

Лю Синь застыл от изумления и тут же поежился, оттого что на него накатила во мраке очередная волна жара.

Айгул продолжал:

– Знаешь, доктор Лю, я скорее встану на твоём пути, чем соглашусь тебе помогать. Запомни – это не игра. Ты хочешь взять в союзники черта!

Между тем шум за окном нарастал. Директор встал, подошел к окну и сказал, повернувшись к Лю Синю:

– Молодой человек, честно говоря, я считаю, что шестидесяти миллионам, которые управление вложило в твой проект, можно найти лучшее применение. Сам видишь, что дел у нас очень много. Так что до встречи.

Лю Синь вслед за директором вышел из здания на площадь. Сидящие на асфальте забавовщики гомонили заметно громче, а предводитель надсадно выкрикивал что-то, но Лю Синь не мог разобрать слов. Он вдруг разглядел на краю толпы кучку людей в креслах на колесиках. В наши дни редко увидишь несколько таких кресел одновременно, а уж чтобы в них находились хозяева... Каждый из сидевших в креслах горняков лишился ноги, а кто и обеих в результате несчастного случая.

Лю Синь почувствовал, что у него перехватывает дыхание. Он расслабил галстук, торопливо пробрался через толпу, нырнул в машину и поехал, сам не зная куда. В голове у него не было ни единой мысли. Проехав немного, он резко затормозил на вершине холма. В детстве он часто бывал здесь. Отсюда, с высоты птичьего полета, было отлично видно всю территорию шахты. Он вылез наружу и долго стоял неподвижно.

⁸ Династия Цин правила в Китае с 1644 по 1912 г.

– Что-то ищешь? – раздался голос у него за спиной. Лю Синь оглянулся и увидел Ли Миньшэна. Тот тихонько подошел и остановился позади.

– Вон наша школа, – сказал Лю Синь, показывая на большое здание, где помещались вместе и начальные, и старшие классы. И школьный стадион казался непропорционально большим. Там, в этом школьном городке, они провели детство и юность.

– Еще помнишь что-нибудь? – устало спросил Ли Миньшэн и устроился рядом с ним на камне.

Все помню.

– Поздней осенью, уже ближе к вечеру, небо затянуто и солнце чуть проглядывает. Мы тогда играли в футбол на этом поле, и вдруг все остановились и уставились на школу, на репродуктор на стене... Помнишь?

– Оттуда вдруг зазвучала траурная музыка, а потом прибежал босиком Чжан Цзюаньцзюнь и сказал, что Великий кормчий Мао умер...

– Мы обозвали его контрреволюционером и бросились колотить, а он кричал, что это правда, что он клянется Кормчим Мао. Мы все равно не поверили и потащили его в полицию...

– ...Но в школьных воротах остановились, потому что та же мелодия звучала и на улице, и траурная музыка заполняла весь мир...

– И она так и играет у меня в голове больше двух десятков лет. А в наши дни ее звучание означает босоногого Ницше, который выбегает с криком: «Бог умер!» – Ли Миньшэн зашелся хриплым хохотом. – Я в этом просто уверен!

Лю Синь снова обернулся и взгляделся в друга детства.

– И когда же ты до этого дошел? Я тебя просто не узнаю!

Ли Миньшэн вскочил с камня, посмотрел в глаза Лю Синю и ткнул пальцем в серый мир, лежавший у подножья холма.

– Когда же шахта до этого дошла? Ее-то ты хотя бы узнаешь? – И он снова тяжело опустился на камень. – Наши отцы в те дни были такими важными людьми! Взять хотя бы моего. Он был рабочим восьмого разряда⁹ и зарабатывал 120 юаней в месяц. Во времена Кормчего Мао – 120 юаней!

Лю Синь не нашелся, что сказать, и, немного помолчав, попытался сменить тему.

– А как твоя семья? Жена... кажется, Шань... но, прости, не помню, как ее зовут.

Ли Миньшэн принужденно улыбнулся.

– Я уже и сам с трудом вспоминаю ее имя. В прошлом году она сказала мне, что едет в командировку, на работе взяла очередной отпуск, оставила дочь со мною и укатила. А через два месяца прислала мне письмо из Канады, что, дескать, не хочет и дальше гробить свою жизнь с грязным шахтером.

– Шутишь? Ты же чуть ли не главный инженер!

– А какая разница? – Ли Миньшэн махнул рукой. – Для нее разницы никакой. Мы все – грязные шахтеры. Ты же помнишь, как все мы стремились выбиться в инженеры?

– То были времена рекордных выработок. Мы носили отцам обеды. Тогда мы впервые попали в шахту. Как же там было темно! Я допытывался у отца и всех остальных: «Как вы узнаете, где проходит угольный пласт? Откуда вы знаете, где нужно бить штрек? И как вам удастся на такой глубине прокладывать штреки с двух сторон так точно, что они сходятся?»

– А твой отец сказал: «Малыш, никто этого не знает, кроме инженеров». И когда мы поднялись на-гора, он показал на нескольких мужчин в таких же, как у него, защитных касках, стоявших около стенда с показателями бригад, и сказал: «Вот это и есть инженеры». Мы сразу заметили, что они другие. Шеи у них точно были почище.

⁹ В Китае еще в 1950-х гг. была принята квалификационная тарифная сетка рабочих профессий, в которой 8-й разряд был наивысшим.

– Ну, вот мы и исполнили свою детскую мечту. Славы, конечно, не добились, но, по крайней мере, честно выполняем свои обязанности, делаем кое-что полезное и имеем право сказать, что не предали самих себя.

– Прекрати! – неожиданно взорвался Ли Миньшэн и снова вскочил. – Да, я все это время выполняю свои обязанности. Я кое-чего добился. Ну а ты? Ты же витаешь в облаках! Неужели ты всерьез веришь, будто можешь вывести горняков из забоя? Превратить залежи угля в газовые месторождения? Допустим даже, что теория верна и все твои эксперименты пройдут успешно. И что из того? Ты просчитал хотя бы стоимость? И как ты собираешься прокладывать десятки тысяч километров трубопроводов? Ты хоть понимаешь, что мы сегодня не вытягиваем оплачивать железнодорожные тарифы?

– Но ведь это долгосрочная программа. Через несколько лет или даже несколько десятков лет...

– Иди к черту! Мы не знаем, что будет через несколько дней, а ты несешь что-то о десятках лет. Я уже сказал: ты витаешь в облаках. Послушай, ты, сидя в чистеньком кабинетике старого пекинского института, можешь позволить себе мечтать, ну а я не могу. Я живу в реальном мире.

Ли Миньшэн отвернулся и добавил:

– Ах, да, я пришел сказать, что директор велел всемерно помогать твоему эксперименту. Работа есть работа, и я буду ее выполнять. – И он, не оглядываясь, быстро зашагал прочь.

Лю Синь молча рассматривал шахту, где родился, где провел детство и юность, – ее высокие копры, огромные шкивы на их верхушках, через которые перекинута тросы, опускающие вниз, в непроглядную тьму, просторные клетки, вереницы электровагонеток, разъезжающих туда и обратно через вход в шахту, где работал его отец, состав железнодорожных полувагонов – их всегда было столько, что он не мог сосчитать, – у здания угольного сепаратора кинотеатр и футбольное поле, где прошли лучшие мгновения его юности, огромная баня (ни у кого, кроме шахтеров, таких не было) – в ее бассейне, где вода всегда была окрашена угольной пылью, он научился плавать. Да, он научился плавать там, где не было не только морей и океанов, но даже захудалой речки. А дальше возвышался громадный усеченный конус отвала, где уже больше века накапливается пустая порода, выросший выше окружающих природных холмов; кое-где там вились дымки – это горела отсыревшая под дождем сера... Все черное от непрерывно оседающей угольной пыли. Это был цвет детства Лю Синя, да и всей его жизни. Он закрыл глаза, прислушался к звукам, доносившимся от лежавшей внизу шахты, и время, казалось ему, остановилось.

Отцовская шахта. Моя шахта

Ложбина находилась недалеко от шахты; днем было хорошо видно поднимающиеся оттуда дым и пар, ночью – электрическое зарево, а паровые свистки были слышны круглосуточно. Лю Синь, Ли Миньшэн и Айгул стояли посреди этой уединенной котловины. Поодаль, у подножия горы, пастух медленно гнал куда-то стадо тощих коз. Под этой котловиной и располагался тот небольшой изолированный пласт угля, который Лю Синь намеревался использовать для своего эксперимента по подземной газификации. Ли Миньшэн и его инженеры из геологического отдела месяц раскапывали горы документов в своих архивах и все же отыскивали то, что нужно.

– Это довольно далеко от области главных выработок, и поэтому геологическая проработка не слишком подробная, – пояснил Ли Миньшэн.

– Я как следует проработал материал. Из него ясно, что экспериментальный пласт находится самое меньшее в двухстах метрах от основного. Это приемлемо. Нужно браться за работу! – возбужденно воскликнул Лю Синь.

– Ты не специалист в шахтной геологии, а уж здешних реальных условий и подавно не знаешь. Выслушай мой совет: будь осторожнее. Подумай еще.

– Тут и думать нечего. Эксперимент начинать нельзя, – вмешался Айгул. – Я тоже проработал эти материалы. Они слишком обобщены. Разведочные скважины бурили слишком далеко одну от другой, да и делалось это еще в шестидесятые годы. Перед началом эксперимента необходимо повторить разведку и твердо убедиться в том, что пласт действительно независим. Мы с Ли набросали план разведки.

– Сколько времени эта разведка займет, по вашему плану? И сколько на нее потребуется дополнительных денег?

– При возможностях нашего отдела не менее месяца. Стоимость работ мы не рассчитывали. Если навскидку... миллиона два.

– У нас нет ни времени, ни денег на это.

– Так подай запрос в министерство.

– В министерство? Там целая толпа бездельников спит и видит, как бы загубить этот проект! А начальству подавай результат, так что если я приползу назад и начну вымаливать еще времени и дополнительных денег, то всему делу конец. Я чувствую, что серьезных проблем здесь не будет, так почему бы не пойти на некоторый риск?

– Ты чувствуешь? Риск?! Только не в таком проекте! Доктор Лю, ты хоть понимаешь, где мы собираемся разжечь огонь? И это, по-твоему, «некоторый риск»?

Лю Синь, резко взмахнул рукой.

– Я принял решение! – И с этими словами пошел прочь.

– Инженер Ли, ты-то почему не пытаешься остановить этого безумца? Мы ведь оба видим, насколько это опасно, – сказал Айгул.

– Я буду делать то, что от меня требуется, – ледяным тоном ответил Ли Миньшэн.

* * *

В котловине работало сотни три человек. Это были не только физики, химики, геологи и горные инженеры, но и немало специалистов совсем иного профиля. Айгул возглавлял бригаду подземных огнеборцев из десяти человек, две бригады бурильщиков приехали с нефтяного месторождения Жэньшо в провинции Хэбэй, была и немалая группа инженеров и рабочих гидротехников, которым предстояло возвести подземные брандмауэры. Рядом с несколькими высокими буровыми установками помимо штабелей бурильных штанг громозди-

лись горы мешков с цементом, ворочалась бетономешалка и завывал пульпонасос высокого давления, закачивавший под землю жидкий цементный раствор, рядом выстроились водяные и воздушные насосы, а по земле расстелилась паутина разноцветных труб.

За два месяца пласт окружили подземным цементным барьером в два с лишним километра длиной. Лю Синь решил использовать метод, применяемый для гидроизоляции основания плотин – цемент под большим давлением закачивался под землю и там, быстро твердея, превращался в огнестойкую стену. А внутри кольца пробурили чуть ли не сотню скважин, направленных точно в пласт. В каждую из них входила труба, разделявшаяся на поверхности на три ветки, связанные с тремя насосами – для подачи воды, пара или сжатого воздуха.

Завершились подготовительные работы выпуском «земляных крыс» – так в обиходе называли датчики горения, хотя эти необычные приборы, сконструированные лично Лю Синем, походили не на крыс, а на бомбы. У каждой двадцатисантиметровой крысы один конец корпуса был заострен, а на другом конце располагался колесный привод; она могла забуриться на сотню метров в сторону от скважины и самостоятельно достичь назначенной позиции. А там им предстояло измерять температуру и давление и передавать показания на поверхность при помощи инфразвука. Под землю пошло больше тысячи «крыс», причем половину выпустили за пределами брандмауэра, чтобы исключить возможность незамеченного прорыва огня.

В большой палатке Лю Синь стоял перед проекционным экраном, на котором отображались и периметр брандмауэра, и положение каждой «крысы», которое компьютер указывал согласно сигналам приборов. Мигающие точки плотно усеивали экран, придавая ему сходство с картой звездного неба.

Все было готово. Два массивных пусковых электрода, напрямик подключенные проводами к красной кнопке, установленной в штабной палатке, где находился Лю Синь, были опущены в скважину на нужную глубину. Все рабочие и инженеры находились на местах и с нетерпением ждали начала собственно эксперимента.

– Доктор Лю, подождите. – За последнее время отношения Лю Синя с Айгулом стали более напряженными, и теперь огнеборец обращался к руководителю проекта строго официально. – Это страшное дело. Вы не знаете мощи подземного огня.

– Айгул, прекрати. Я ведь знаю, что ты не только сеешь уныние, но и постоянно жалуешься на меня в министерство. Хотя, если брать по справедливости, твой вклад просто неоценим, и без того, что ты сделал за последний год, я еще и близко не подошел бы к эксперименту.

– Доктор Лю, не выпускайте демона из-под земли!

– Ты что, всерьез думаешь, что мы можем сейчас дать задний ход? – Лю Синь улыбнулся, покачал головой и повернулся к Ли Миньшэну.

– Как вы распорядились, мы шесть раз проверили все геологические данные. Проблем не нашли. Минувшей ночью закачали еще по одному цементному слою в нескольких потенциально ненадежных местах. – Он указал на несколько коротких линий с внешней стороны периметра на экране.

Лю Синь подошел к пусковому пульту и, уже поднеся пальцы к красной кнопке, приостановился и закрыл глаза, будто молился. Его губы зашевелились, но только Ли Миньшэн, стоявший совсем рядом, услышал, что он произнес всего одно слово:

– Отец...

Нажатие на кнопку не сопровождалось ни звуками, ни вспышкой. Котловина осталась такой же, как была. Но где-то глубоко под землей напряжение более двух тысяч вольт породило высокотемпературную электрическую дугу посреди пласта. На экране было видно, что в месте расположения электродов появилась красная точка, которая стала быстро увеличиваться в размерах, словно пятно красных чернил, расплывающееся на рисовой бумаге. Лю Синь пошевелил компьютерной мышкой, и на экране отобразилась модель процесса горения, составленная по показаниям «земляных крыс», – быстро растущий неправильный сфероид, вернее, даже

луковица, каждый слой которой был изотермой. Насосы с ревом закачивали через скважины необходимый для горения воздух, и пламя распространялось стремительно, как из взорвавшегося газового баллона... Через час управляющий компьютер включил насосы, подающие воду, и пламя на экране моргнуло и съежилось, как сдувающийся воздушный шарик, однако горение продолжалось с той же силой.

Лю Синь вышел из палатки. Солнце скрылось за холмом; по темнеющей ложбине гулким эхом раскатывался грохот машин. Толпа в триста с лишним человек окружила торчавший вертикально мощный патрубок толщиной с нефтяную бочку. Лю Синя сразу заметили и пропустили к небольшой платформе у основания патрубка. На ней уже стояли два человека: один, увидев Лю Синя, принялся крутить огромный вентиль, а второй чиркнул зажигалкой и протянул ее ученому. Сначала газ чуть слышно шипел, рабочий крутил вентиль, звук становился все громче, и в конце концов вырывающийся из-под земли газ огласил долину хриплым ревом разъяренного гиганта. Три сотни взволнованных лиц со всех сторон смотрели на слабый огонек. Лю Синь опять зажмурился, еще раз прошептал:

– Отец... – поднес зажигалку к соплу и поджег первый в мире факел над скважиной коксового газа.

Громко хлопнуло, и в небо метров на двадцать взметнулся мощный огненный столб. Над самой горловиной сопла пламя было чисто-голубым, чуть выше обретало ослепительно желтый цвет, который далее постепенно темнел и превращался в красный. Рев сменился злобным шипением. Стоявшие поблизости попятнулись от жара. Свет факела озарил окружающие холмы; издалека он должен был смотреться как небесная свеча, сияющая над лёссовым плато.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.